

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем МИЧУРИН
Вячеслав ХВАТОВ

Знак информационной продукции
18+
Согласно Федеральному Закону от 29.12.2010 г. № 424-ФЗ

ЕДА И ПАТРОНЫ
ПОЛВЕДРА СТУДЁНОЙ КРОВИ

Еда и патроны

Артем Мичурин

Полведра студёной крови

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мичурин А.

Полведра студёной крови / А. Мичурин — «Эксмо»,
2015 — (Еда и патроны)

Мир после ядерного Апокалипсиса... Государства распались, а города превратились в укреплённые поселения, живущие по своим законам. Между городами – огромные безлюдные пространства, где можно напороться на кровожадных мутантов и просто бандитов. Неудивительно, что основной валютой стали патроны, ими платили не только за еду, но и за кровь. Коллекционер, или просто Кол, зарабатывал именно кровью. Долгие месяцы шёл он по следу наёмника по кличке Ткач. Цена на этот раз высока – сверхсекретное Хранилище, полное немыслимых в этом мире сокровищ, которые в наше время можно купить в любом супермаркете...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мичурин А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Артем Мичурин, Вячеслав Хватов

Полведро студёной крови

© Мичурин А., Хватов В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Капли, падая на ледяной наст, прогрызали в нём алые червоточины.

Бредущий по белой пустыне человек остановился и медленно, стараясь не делать резких движений, лёг на спину.

– Всё. Хватит.

Забранная в меховую перчатку ладонь поднесла пригоршню снега к растрескавшимся обветренным губам. Капля, сорвавшись с края заиндеветшего рукава, упала на автомат. Серое от мороза воронение на секунду почернело, впитав тепло, и снова покрылось инеем вокруг красного, примёрзшего к стали льда.

Человек сел, утёр бороду и, развязав рюкзак, провёл ладонью по гладкой холодной поверхности своего сокровища.

– Э-э. Врёшь. Врёшь, сука.

Он завязал рюкзак и, с трудом поднявшись на ноги, хохотнул. Но смех вышел натужным.

– Не для того я столько...

Морозный воздух, обложив горло, превратил слова в кашель.

– Дьявол...

Человек сплюнул, подобрал тяжеленный рюкзак и, шатаясь, побрёл дальше сквозь бесконечную снежную целину.

* * *

У меня всего два варианта – идти за ним или вернуться. Я выбрал первый. Почему? Ну, тут много причин: заказ, на который я подписался; подмоченный авторитет, который надо восстановить; профессиональная гордость, в конце концов, а ещё... Твою мать! Кого ты обманываешь, Кол? Всё это – полная херня. Плюнуть и растереть. Год! Дерьмовый год и два адски дерьмовых месяца я, как хвост за кобылой, подметая сыплющееся говно, волочусь за этим ублюдком! Ради авторитета? Ради профессиональной гордости? Да ебись они конём! Будь дело только в них, я бы встретил зиму под уютным метром бетона своего арзамасского бункера и топил бы досаду в самогоне. Всё лучше, чем яйца здесь морозить. Но нет. Я пойду дальше. За ней. Я знаю – она близко. Я хочу её! Хочу, как дитё конфету, как кобель течную суку, как торчок хочет дозу в свои чёрные вздувшиеся вены. Я. Хочу. Голову. Ткача. И я её заберу.

Глава 1

Фома был в бешенстве. Жирный обмудок скакал по келье и тряс святыми цацками так, что иконы в золотых окладах падали со стен. «Как так ушёл?! – орал он на всю крепость Святого воина великомученика Ильи Муромца, брызжа слюной. – Куда ушёл?!» Понадобилось приложить немало усилий, чтобы вернуть разговор в конструктивное русло. После уверений в том, что от всей группы остался один Ткач, отец-настоятель немного успокоился, сел и начал снимать ногтями стружку со столешницы, убивая меня взглядом.

– Кол-Кол-Кол... – качал Фома головой. – Что ж ты, су...? Эх! – хватил он кулаком по столу и возрился на меня, аки дьяк на голую девку. – Найди его. Верни то, что он унёс. Слышишь? Верни!

– А из-за чего, собственно, такой кипиш? Ты ведь знать не знал, что за груз. Или...?

– Не твоё собачье дело!!! – взорвался жирдяй, но быстро взял себя в руки, сел и, оправив бороду, нацелился в меня пальцем. – Просто верни то, что должен. Ага? Ты ж аванс взял? Так отработывай.

– Уговор был...

– Какой? Какой был уговор? – огрызнулся он, играя желваками. – Ты что мне тут дурочку теперь ломать собрался? Обосрал всё дело и в кусты? Нет-нет-нет. Мы уговорились, что кончишь всех шестерых и заберёшь груз. А ты что сделал? Нихера! Даже хуже, чем нихера. Раскрыл себя, Ткача спугнул. Вот теперь ищи-свищи его по ебням!

– Ориентировочка, – достал я из-за пазухи мятый лист бумаги с карандашным портретом виновника торжества. – Можешь ещё таких организовать? Штук двадцать.

– Легко.

– И ещё мне понадобятся деньги. Много.

– Опять деньги, – поморщился Фома. – Ты сначала аванс, уплоченный мной, отработай.

– Я хочу получить расчёт.

Глаза настоятеля округлились, губы зашлёпали в беззвучном возмущении.

– Ну, знаешь... – Он утёр набежавшую на бороду слюну и фыркнул.

– Предстоят серьёзные расходы. Ткач – это тебе не шпана нашкодывшая. Если он захочет лечь на дно, понадобится о-о-очень длинный багор, чтобы его поднять.

– Очумел?! Простить тебе сорок золотых! С какого?!

– Фома, – я облокотился о стол и придвинулся ближе, так чтобы моему упрямому нанимателю стал слышен шёпот, не доходящий до ушей охраны за дверью, – не знаю, что там унёс Ткач, но уверен – ты знаешь. И это нужно тебе гораздо больше, чем сорок золотых. А если я ошибаюсь... Что ж, готов вернуть аванс, и ищи другого охотника.

Настоятель, выслушав, тоже подался вперед и произнёс тихо, с полной всепрощения улыбкой:

– Вынуть бы тебе кишки да затянуть вокруг шеи.

После чего, не сводя с меня взгляда, достал из ящика кошель, и тот с приятным звоном бухнулся на стол...

...Это было четырнадцать месяцев назад. И коли карта не врал, я теперь находился в самых что ни на есть ебнях, как, впрочем, и пророчествовал мудрый Фома. Предгорья Северного Урала. Если ад, вопреки устоявшемуся мнению, холоден, то я определённо стоял на его пороге. И сатана всё крепче прихватывал меня за яйца своей заиндевевшей лапой. Не спасали ни кисы с меховыми чулками поверх шерстяных штанов, ни кухлянка, ни толстенный свитер. Мороз пробирал настолько, что временами становилось трудно дышать, сердце билось через раз, и постоянно тянуло в страну сладких грёз, из которой уже не вернуться.

Всё же что ни говори, а человек – вещь хрупкая. Чего не скажешь о моём спутнике. Не знаю, чья в том заслуга – естественного отбора или горнила радиоактивной Москвы, откуда он родом, – но Красавчик оказался на редкость выносливой тварью. Признаться, беря его в поход, я и не рассчитывал, что малец выживет. Думал – не бросать же, раз уж притащил, пусть следом идёт, а там будет видно, от чего издохнет. Ан нет. Вместо капитуляции перед жестоким миром мой четвероногий друг вымахал до размеров приличной собаки, нагулял к зиме жира и оброс плотной шерстью, от чего сделался похож на большую уродливую бесхвостую росомаху. Весной бурая шуба сменилась привычной жиденькой порослью, через которую просвечивала кожа. А обильные харчи дали новый толчок росту массы и габаритов. Жрал зверёныш всё подряд – от грибов до человечины – с равным аппетитом. Ко второй своей зиме Красавчик был уже едва ли легче меня и напоминал теперь медвежонка. Страшного, с плоской рожей и огромной пастью.

Помимо незаурядных физических данных, животное вышел и умом. Говорят, интеллект годовалой собаки равен интеллекту двухлетнего ребёнка... Не знаю. По-моему, двухлетний ребёнок в сравнении со взрослой собакой – бестолковый кусок мяса, которому едва хватает мозгов не срать под себя. Красавчик же в свои полтора года был заметно умнее прочих хвостатых бестий. Если первое время с ним приходилось общаться, как с дауном, повторяя по сорок раз вязнувшие в зубах команды, то сейчас это стало лишним. Мой лохматый товарищ быстро наловчился распознавать обычную речь и с готовностью подчинялся приказам.

Пока шли обжитыми землями, Красавчика приходилось прятать, дабы не навлечь гнев скорой на расправу деревенщины. Если к моим жёлтым глазам эти ребята ещё проявляли терпимость, руководствуясь остатками разума и тягой к жизни, то мириться с присутствием возле себя неведомой тварины было бы выше их сил. И Красавчик ночевал в лесу, один, там, где я указывал. Утром приходишь – сидит, ждёт распоряжений. Удивительная скотина. Думаю, будь у него мозгов чуть побольше, вот совсем ещё немного, и мы могли бы свободно дискутировать о природе добра и зла.

Чем больше мы удалялись от тлеющих очагов цивилизации, преследуя неутомонного Ткача, тем меньше косых взглядов обращалось в нашу сторону. Странно. Казалось бы, что может испугать жителя, к примеру, Сарапула, имеющего под боком Ижевск со всеми его чудесными порождениями, и в то же время возбудить любопытство, начисто лишённое неприязни, у кочующих по краю земли оленеводов манси? Оказывается – практически всё. Непонимание рождает страх? У кого как. Если жить в страхе – да. Это такая штука, которая питает сама себя, разрастается и со временем вчистую пожирает разум. Незаменимая вещь в управлении толпой. Нужно только ухаживать за ней как следует, культивировать в массах. Запуганный человек склонен без раздумий отторгать всё новое в угоду хоть и дерьмовому, но знакомому и предсказуемому. Города – рассадники страха. Чем крупнее город, тем больше усилий приложено «отцами народа» ко взращиванию побегов тотального недоверия, злобы и нетерпимости. Это их скорлупа. И пусть внутри всё давно стухло, но снаружи ещё страшнее. А вонь... Что вонь? Не смертельно, потерпим.

Ткач – сразу видно – вырос в городе образцовом с этой точки зрения. Чёртов параноик. Я нагнал его на окраинах Казани спустя месяц после нашего драматического расставания в московском бомбоубежище. Фома хоть и говнился, пытаясь сбить цену, но ориентировки выдал. Благо соглядатаев у него предостаточно, от Владимира до Чебоксар. Это здорово сэкономило мне время. Но... Я облажался. До сих пор кулак чешется садануть себе в лоб, как вспомню. Он был у меня в руках. Не больше ста метров. Тишь да гладь. Угольник прицельной сетки лежит под тазобедренным суставом Ткача. Мне нужно всего три выстрела, чтобы сделать из него гуттаперчевую куклу, которая ответит на все-все вопросы, лишь бы поскорее сдохнуть. Аккуратно выбираю спуск своей пристрелянной ВСС, которая ни разу не подводила, и... Так бывает. Это невероятно, это бесит до нервного зуда, и ничего уже не исправишь.

Я промахнулся. Ткач ушёл в казанские руины. Погоня длилась почти сутки. Но ничего, кроме нескольких растяжек, я так и не нашёл.

С тех пор эта мнительная сука постоянно настороже. Такие кренделя выписывает, что только поспевай – не зевай. Нигде не останавливается больше чем на неделю. Не берёт подельников. Не возвращается на старые лёжки. Дважды отращивал и сбрасывал бороду. И дважды же организовывал засаду на меня.

Первый раз это случилось год назад. Я тогда летел что есть духу, ухватив свежий след, который вёл в Малмыж – захудалый городишко в ста двадцати километрах на северо-восток от Казани. Таких ещё немало осталось по эту сторону Уральского хребта. Бессмысленные, ничёмные. Они и полвека назад еле держали голову над болотом. Сорокаминутная война обошла их стороной, побрезговала тупить ядерную косу о всякий мусор на карте. И теперь они медленно умирали. Единственное, что держало тут людей, – привычка. Города привычки. Да, Малмыж был из них. К две тысячи шестьдесят восьмому году, когда этой дыре посчастливилось принять меня, здесь проживало не больше полутора тысяч голодранцев. Из примечательных мест в Малмыже имелся едва живой спиртзавод и постоялый двор при местном питейном заведении – сердце города. Именно сюда и пожаловал Ткач.

Был вечер субботы. Кабак ломился от страждущих разбавить застоявшуюся кровь спиртом. Я подошёл к хозяину, заказал стопку и, оставив на чай два серебряных, попросил позволения ознакомиться с гостевой книгой. Последней записью в полупустом журнале значился некто Сдравин-Охчинский Николай. Владелец столь необычной фамилии и почерка Ткача оплатил комнату прошлым вечером, а съезжать собирался через трое суток. Весь день проторчал в номере. Вёл себя тихо. Продемонстрированный портрет разыскиваемого «врага общества» и ещё четыре монеты помогли хозяину проникнуться ко мне доверием и не препятствовать «вершению правосудия». Пока я шагал по коридору к указанным апартаментам, навинчивая «ПБС» на ствол, в голове всё крутилась эта дурацкая фамилия – Сдравин-Охчинский. Николай. Сдравин. Охчинский. Ни... До двери номера оставалось пять шагов, когда ноги, оказавшись сообразительнее головы, развернули меня на сто восемьдесят градусов и понесли обратно. Я влетел в первую же приоткрытую дверь, перемахнул через мертвецки пьяное тело на топчане и бросился в окно. Два взрыва, грохнувшие почти одновременно, превратили большую часть кабака в братскую могилу. Те, кто выжил, контуженные, в дыму и пламени, пытались выбраться из-под обвалившейся кровли. Искали любую щель, как тараканы на сковородке. Слепые, задыхающиеся, скребли ногтями по смертельно пылающему дереву и вопили, истошно вопили, пока огонь не спёк их лёгкие.

Да, Ткач умеет вдохнуть в серые будни искру праздника. Он был где-то поблизости. Я уверен. В этой дыре радиодетонаторов не достать. Значит, он пользовался обычным, электрическим. Крыльцо заминировать не сумел, слишком заметно. Иначе мои кишки в тот вечер падали бы на землю, словно бумажный серпантин. Наверняка кинул провода через окно своего номера. Одна бомба в комнате, вторая снаружи, несколько проволок хватило. Где-нибудь у противоположной боковой стены. А сам засел в брошенном доме по соседству. Так и вижу этого ублюдка, глядящего кнопку подрывной машинки, едва сдерживая семяизвержение.

Спасительное окно выходило на задний двор. Помню, как втемнячился башкой в жердь забора, раскроил себе бровь. Выбил доску и смылся. Ткач не мог меня видеть. Он должен был пребывать в полной уверенности, что я остался в той куче золы вместе с парой дюжин забулдыг. Он должен был расслабиться. Но этого не произошло.

Вторую попытку Ткач предпринял спустя четыре месяца, возле Перми.

То, что наймитская сволочь не утратила бдительности, стало понятно задолго до этого. И засаду я ждал. А потому предпочитал ходить неторёными путями, чуть в стороне от дорог, полей, степей, низин... Короче, ховался как мог. Время дорого, а шкура дороже.

К выдвижению в мёртвый город-миллионник я подошёл ответственно – разжился картой, опросил старожилов окрестных сёл на предмет тамошних достопримечательностей. Узнал много интересного. Так, например, оказалось, что в Перми до войны действовали с дюжину предприятий оборонной направленности. По ним-то и был нанесён главный удар – то ли три, то ли четыре полумегатонных плюхи, в разные части города, и одна полуторамегатонная в Индустриальный район, где наряду с прочим находились нефтегазоперерабатывающие заводы и другое химическое говнище в промышленных масштабах. Один бойкий дедок поделился воспоминаниями о рассказах отца, как тот, будучи пацаном, наблюдал после ядерного удара над Пермью жуткий огненный вихрь. Говорит, полыхнуло так, что всем селом по околицам пожары тушили. А на нефтеперегонном комбинате потом с неделю столб пламени до неба взвивался, пока Пермь догорала. Может, и сбрыхал его папашка, но район тот я на карте сразу заштриховал красненьким, решив не соваться от греха подальше. Ещё одна полушка ухнула по Камской ГЭС, но в цель не попала, отклонившись на километр. Русло Камы в том месте, по слухам, заметно расширилось, а плотина ГЭС, хоть и сильно пострадала, стоит по сей день. На вопрос о переправах опрошенные заверяли, что западный мост, отмеченный на моей карте как отрезок шоссе Р-242, разрушен. Остальные же два моста находились в черте города, и к ним никто из моих собеседников не ходил, а с берега те было не разглядеть. Но одного знатока я всё же отыскал. Он клялся-божился, будто автомобильный мост, идущий из самого центра города, жив и вполне надёжен. Соврал сука. Видать, невзлюбил меня за что-то. Может, я был слишком настойчив в своих вопросах, к которым приступил после того, как оприходовал его миловидную дочурку и обчистил закрома? Нет. Если б я был действительно настойчив, то услышал бы чистую правду. В очередной раз убеждаюсь, что за милосердие люди склонны платить чёрной неблагодарностью.

А вот чего клещами вытягивать не приходилось, так это баек. Каждый норовил внести лепту в распространение самобытного фольклора.

Городские легенды есть везде. Даже в самом затрапезном городишке. Правда, чем он затрапезнее, тем и «легенды» мельче. В основном это побасенки о местных придурках, у которых переключило в башке, и понеслась родимая: где больничку сожгли, где попа распяли, где чурку пришлового порвали лошаадьми, а где и вовсе без затей гулящей бабе подол на башке завязали да на муравейник посадили. Банальнейшая бытовуха со временем обрастает «зловецами» подробностями и превращается в легенду. Многие вполне сойдут за анекдот.

Но в мёртвых городах бытовухи нет. Потому и легенды у них другие. Тёмные, заволаживающие. Была такая и у Перми. По тому, как доверительно, вполголоса рассказчики делились своими изустными преданиями, можно было понять, что для них это не пустая болтовня.

Печальная история Перми, как, впрочем, и большинства городов почившей Российской Федерации, началась двадцать третьего июня две тысячи шестнадцатого года. Несколько ракет заокеанского партнёра принесли ядерные боеголовки к расположенным по всему периметру города целям. Ударная волна, пришедшая с разных сторон, раздавила центр. А огненный шторм, родившийся на месте нефтеперерабатывающего комбината, довершил начатое, прожарив раскуроченное чрево столицы Урала. Но история была бы слишком скучна, завершись она этим. Нет, не так всё просто. До сих пор была лишь присказка, а легенда впереди. И начинается она вопросом: «Знаешь, почему в Перми так и не построили метро?»

– Грунт неподходящий?

– Хе-хе, грунт, – усмехнулся приютивший меня дедок и цыкнул на жену-старуху, косо глянувшую, как благоверный в очередной раз наполняет стаканы самогоном. – Вот и начальство тамошнее людям так говорило, что, мол, река близко, воды там всякие подземные, плывуны... Ну, давай, пока не выдохлась. За души их грешные. – Мы опрокинули, закусили, и дед, потрясая солёным огурцом, возобновил вещание: – А на самом деле, чтоб ты знал, метро-то и копать уже некуда, потому как изрыто под Пермью всё! Да-да, – закивал он башкой, не обна-

ружив в моих глазах сияния веры. – А ты думаешь, почему ещё? В городе мильён человек, и метрa нету. Вокруг Казани, что ль, воды мало? Дохера её. А метро какое-никакое прорыли. Не-е, этими сказочками только детей тешить.

– Ну, и что же там, под Пермью?

– Да чего только нет! – оживился дедок, почуяв, что впервые за многие недели появился шанс присесть кому-то на уши и размять затёкший язык. – Целые производственные цеха! А промеж них туннели. Всё в едину сеть завязано, – изобразил он узловатыми пальцами хитроspлетение дьявольских подземелий. – Тут на восток дорога одна есть интересная, хорошая такая, бетонка. До сих пор не развалилась. Так вот, идёт, значит, эта бетонка из города в лесок. Петляет там, петляет и заканчивается возле неприметного домика. Коробок такой кирпичный о двух этажах. Наверху одно окошко, ставнями железными забрано. Ворота тяжеленные с дверцей, на манер гаражных. А в остальном – домик как домик, вроде котельной. Только почто же в лесу котельная? Не знаешь? А я тебе скажу. – Дед прищурился и заговорил шёпотом: – Домик тот – верхний этаж. А внутри лифт здоровенный, что в самое логово-то их подземное и спускается. Во как!

– В чьё логово? – осведомился я с неожиданной для самого себя заинтересованностью. Старикан, хоть и долго без практики прозябал, но навыков рассказчика не утратил.

– Как в чьё? Ты не слыхал до сих пор? Ну даёт! – хохотнул он, хлопнув себя по ляжкам, и плеснул в опустевшие стаканы. – Тогда слушай. Началась вся эта херня годов тридцать назад. Я ещё молодой был, здоровый, – поиграл дед одрябшими бицепсами. – Помнишь, Зинка, как за мною увивалась в девках-то?

– Сочиняй-сочиняй, пень старый, – донеслось из чулана насмешливое ворчание.

– А чё сочинять-то? Скажи ещё – не сохла по мне.

– Ты про логово говорил, – напомнил я ловеласу.

– А, да. Вот баба вредная, – погрозил он кулаком старухе. – Так, значит, это... Волки нашу деревню тогда шибко одолевали. Этих тварей и сейчас полно, однако ж близко подходить опасаются, выучены картечью-то. А в те времена волчары лютые водились – жуть. Всех собак наших задрали. А уж скотину на выпас вообще страшно было выгонять. Резали – мама не горюй. Бывало, выйдешь ночью за дверь папироску скурить – королева-то моя дыму табачного не переносит, – а по двору шнырь-шнырь огоньки жёлтые. Стая, значит, за довольствием пожаловала. А в деревне-то уже тишина. Какие собаки ещё остались, так тех в дом теперь на ночь забирают. И сидят они, голос подать боятся. Ну, вернёшься, возьмёшь ружьишко. Бах-бах – вроде разбежались. А на следующую ночь опять то же самое. Потом уже до того обнаглели – днём стали приходиться. Так и разбойничали, пока мы тремя деревнями не собрались да облаву на них не учинили. Постреляли много. Две трети стаи точно полегло. Стало тихо. Мы обрадовались. Время идёт – всё спокойно. Начали даже скотину за околицей оставлять пастись. Месяца три минуло. И тут – на тебе, опять корову зарезали. Причём не на месте стали жрать, а целиком унесли. Только крови лужа да кишки остались. След в лес уводит. Шли-шли – далеко тянется. А потом раз, и всё. Нету следа. И костей нет. Мы тогда этому удивились, конечно. Но не сильно. Волки – твари умные. Могли на куски порвать да припрятать объедки. Кроме волков и не думали ни на кого. Разве что медведь, но тот где убьёт, там и употребит, далеко нести поленится. Решили – стая пришла, территорию охотничью у наших недобитков отняла и хозяйничает теперь. Придумали на живца их подловить. Договорились через неделю, как стая корову схарчит, собраться, привязать козу и с засидок взять нахалов. Козе для верности жилы на ноге подрезали. Она орёт-заливается. Сами по кустам да стогам с подветру засели, ждём. Час ждём, два, три... Ночь на дворе, а волков нету. Думали уже – всё, прочухали нас серые, не подойдут. И только стали перешёптываться, дескать, зря сидим, по домам надо, как глядь – кусты на опушке дрогнули. Тень оттуда нырк и быстро-быстро к козе. А за ней ещё одна. В темноте-то сразу не разберёшь, кто там, да и далеко пона-

чалу. Но на волка вроде не похоже. А поближе-то подтянулись – етить-колотить! Я, помню, со страху чуть назад, к деревне не ломанулся. Колька – товарищ – вовремя за шкирбот прихватил. Т-с-с, говорит. А сам даже голову не повернул. Как замороженный всё равно. Смотрит на этих двух тварей, взгляд отвести не может. А они, знаешь, прям будто пауки движутся. Тело возле самой земли, а ноги-руки по сторонам враскоряку. И так ловко перебирают... Ой, – схватился дед за сердце, – как вспомню, аж оторопь берёт. До чего ж богомерзкие. Я-то к мутантам ровно отношусь, ты не подумай чего. Сам без наград от матушки-природы не остался, – оттянул он пальцем щёку, демонстрируя пару гипертрофированных, загнутых внутрь зубов на нижней челюсти. – Но разве ж это мутация в сравнении с таким отродьем? Ну, в общем, твари эти всё ближе-ближе, коза наша на трёх ногах скачет, орёт дурью, аж жалко. Но утерпели мы, подпустили, а потом как жажнем со всех стволов – обоих в решето! Один сразу затих, а второй поживучее оказался. На спину брык и давай трястись. Ногами-руками длиннющими машет, кровища в разны стороны – жуть. Сам весь жилистый такой, долговязый. Рот разинул, хрипит, кровью харкает. Лампу запалили, чтоб получше рассмотреть, подносим – рожа вроде человечья, только вытянутая сильно и бледная, будто у покойника. А глаза, знаешь, ну чисто как яйцо варёное – белые все, мутные, ни зрачка, ни радужки. Слепой то бишь от рождения. И поди ж ты, по лесу бегал, о деревья башкой, чай, не бился.

– А второй? Тоже незрячий?

– Второму всю харю разворотило. В той каше и не разобрать – где глаза, где что. Но чует моё сердце, все они такие.

– Это почему?

– А с чего ж им зрячими-то быть? Как в шестнадцатом году пиздануло, так они небось лет двадцать в подземельях своих торчали, света не видя. Там и рожали. Народу-то много. Война войной, а организм требует, – усмехнулся дед. – Вот отродья разные и повылазили потом, едва на людей похожи, с бельмами заместо глаз.

– Что-то немного их повылезло, если тебе верить. Всего-то парочка.

– О-хо-хо! – откинулся старик назад, барабанив ладонью по столешнице. – Парочка! Кабы так, да разве ж я о них бы вспомнил? Это всё цветочки были. Самое-то говно позже началось. Мутов мы тех спалили и забыли. А по осени поехали из Кузнечихи в Паль сваты. Пять мужиков на двух телегах. Езды там – километров десять. А их ни к вечеру нету, ни утром, ни через сутки. Кузнечихинские забеспокоились. Сваты сватами, а и меру знать надо. Да и мужики-то были не так, чтобы сильно пьющие. В общем, послали за ними мальчонку, чтоб домой выпроводил пропащих. Мальчонку того долго ждать не пришлось. Примчался в мыле, всего колотит, слова не может вымолвить. Только рот разевает да рукой в ту сторону машет, откуда прибёт. Мужики местные, времени на расспросы не теряя, взяли ружья и пошли. Вернулись с двумя телегами, кучей кишок и шестью головами. Рассказали, что телеги на полдороге от Пали нашлись, оглоблями к дому. Видать, на обратном пути беда приключилась, под вечер. Вокруг всё кровью залито, на земле потроха раскиданы, а вдоль обочины головы стоят отрезанные: две лошадиных и четыре человеческих. А перед ними аккуратненько глаза разложены и на те головы смотрят, в глазницы свои пустые таращатся.

– Забавно. А что же пятый? Ты сказал – пятеро сватов было.

– Да-да, – кивнул старик, набулькав в опустевшие стаканы. – Пришёл пятый. Через неделю. Говорят, жевал собственную губу, а штаны по земле волочились, полные навалены. Уходил – крепкий мужик, светлая голова. Вернулся едва живой, конченным идиотом. На все расспросы только одно повторял: «Мастер, мастер, мастер...» А спустя полтора месяца концы отдал. Лёг, рассказывали, на лавку, руки на груди скрестил да и помер с улыбкой блаженной. Видать, смерть ему милее жизни показалась.

– Так он что, в Перми был? Где пропадал-то неделю?

– Кто ж его знает? Может, и в Перми. А может, по лесам бродил, да только через неделю вышел. Но с тех пор скотина окрест регулярно пропадать стала. Две-три штуки за год с деревни. Вроде как дань берут. И всегда голову безглазую оставляют – метку свою. А людей не трогали больше. Тех, что к ним не совались.

– А были и такие?

– Да нашёлся один. Андрюшка – сынок попа кузнечихинского. Дурак дураком. Окромя Святого Писания знать ничего не знал, а туда же – надо всякую божью тварь разумную на путь истинный наставить. Всей деревней его отговаривали. Нет, попёрся, умоленный. Рясу батькину надел. Говорит, так, мол, представительнее. Ага. Посланник божий...

– Не защитил Господь раба своего?

Дед усмехнулся и достал папиросу.

– Да на что мы ему? Миллиарды, вон, как хуем сбрило. А ты говоришь... Так, грязь из-под ногтей. Ладно, – он поднялся с табурета и пошаркал непослушными ногами к двери, – пойду, курну перед сном. Хорошо с тобой лясы точить, а организм-то на боковую просится.

Глава 2

От деревеньки с необоснованно городским названием Анинск, где я остановился, до Перми по прямой было пятьдесят три километра. И заканчивалась эта прямая аккурат на том месте, где в последний раз видели нефтеперерабатывающий завод. Руководствуясь заботой о здоровье, я снова вооружился линейкой и проложил маршрут вдоль железной дороги, иногда срезая лесочком. Вышло аж восемьдесят километров, но зато мой путь наделялся клеймом «Проезжимость гарантирована геодезистами РЖД», что в условиях апрельской распутицы дорогого стоило, и Пермь меня встречала не токсично-радиоактивной могилой индустриального района, а почти чистыми руинами жилых кварталов. Дорога непосредственно через город должна была составить ещё семь с половиной километров в фарватере улицы Космонавта Леонова, шоссе Космонавтов – какую цивилизацию просрали! – и улицы безвестного Попова, которая заканчивалась якобы уцелевшим мостом через Каму.

Кобыла, приобретённая в Анинске взамен околевшей из-за слишком тесного общения с Красавчиком, хоть и заметно нервничала, но двигалась резво, чем помогла здорово сэкономить время. Выехав в шесть утра, к пяти вечера я уже любовался пермскими видами.

Сколько ни смотрю на городские руины, не устаю удивляться. Поразительно, до чего они все разные. А были ведь наверняка по одним планам сляпаны в прижизненную бытность свою. Даже сейчас погляди, к примеру, на Иваново и Ярославль с их кварталами многоэтажных коробок – не отличишь. Скука и уныние. А вот силуэты мёртвых городов не спутать. Люди создали их безликими, а война наделила индивидуальностью. Пусть не яркой, но без вычурности. О-о, сколько вкуса в этих суровых кружевах из кирпича, стали и бетона! Сколько изысканной утончённости. Монументальные снизу, они, устремляясь вверх, превращаются в ажурные узоры и словно растворяются, сливаясь с пасмурным вечерним небом. Мне нравится смотреть на руины. Их пустота более живая, чем больной мирок обитаемого города, с его вонью, грязью и бестолковой суетой. Нет ничего возвышенного в гомоне базара, так же как нет ничего низменного в этой великолепной пустоте.

– Даже не думай, сволочь, – предостерег я Красавчика, похотливо сверлящего глазами лошадиный круп. – Мне плевать на твои весенние гормоны. Я за эту кобылу двадцать монет отдал. У тебя есть двадцать монет? Что, на мели? Тогда найди себе барсука. Или оленя. Лося... Да хоть весь лес выеби, только не мою лошадь. Понял?

Красавчик перевёл утративший маслянистость взгляд на меня и недовольно зарычал, отчего кобыла шархнула в сторону.

– Зараза! – натянул я поводья. – Дождёшься – отхвачу бубенцы под корень. Сразу станешь покладистым. Ты, скотина неблагодарная, вообще представляешь, как с тобой тяжело, на какие жертвы я иду? Бля, дружище, да мне дешевле было бы нанять подручного. С ним хоть в городе показаться – не проблема. И поговорить можно. Что ты уставился своими зелёными? Хочешь про того подсвинка напомнить? Да в нём было не больше центнера. Я таких руками душу. А ты зубами еле справился. Похвала с моей стороны вовсе не означала, что я тебе жизнью обязан. А вот ты мне – бесспорно. Не пересекись наши дорожки, лежать бы тебе сейчас засохшим собачьим говном на московской мостовой. Так что...

Закончить внушение мне помешал шорох, донёсшийся из руин прямо по курсу. Красавчик тоже услышал и, угрожающе опустив голову, стал принюхиваться.

– Проверь. – Я спешился, вынул из седельной сумки ВСС и, воспользовавшись лошадиной спиной, будто упором, зацелил предположительный источник звука – руины здания, похожего на многоквартирный дом, от которого осталось пять этажей, метрах в семидесяти.

Мой четвероногий друг принял влево и, тенью скользя по завалам, устремился к назначенной цели. Нырнул в проём и исчез.

– Тихо, тихо, – погладил я переминающуюся с ноги на ногу кобылу по холке. – Не суетись. Ну, где он? Уже минута, как вошёл в здание. Чего тянет? Давай, дружище. Чёрт. Надо идти внутрь.

Едва я поднял «ВСС» с седла, как гробовую тишину, нарушаемую лишь лошадиным дыханием, разорвал звук десятков бьющих по воздуху крыльев. Стая ворон, облюбовавшая последний из уцелевших этажей, взлетела и, каркая, понеслась прочь от беспокойного гостя. Через секунду в оконном проёме появилась довольная морда Красавчика.

– Засранец.

Мы продолжали углубляться в чрево Перми, а солнце, кидая багровые отсветы на облачное небо, всё ближе подбиралось к горизонту.

То, что казалось красивым издали, вблизи производило совсем другое впечатление. Не сказать, что гадостное, просто... Жутковатое. Да, кто бы мог подумать. И дело не в завываниях ветра, гуляющего средь кирпично-бетонных костей города, не в завораживающей пустоте. Я вначале даже не сообразил, в чём причина. Стены. Обычно они серые или даже белые. В отсутствие источников копоты дожди, ветры и солнце способны придавать зданиям потрясающе чистый вид. Полвека такой мойки даже заводские цеха делают похожими на операционную. Но здесь все стены были чёрными, снизу доверху, будто огненный смерч прошёлся не пятьдесят шесть лет назад, а вчера. Кругом чернота, лишь подчёркиваемая остатками снега в тени чернильных руин, на фоне которых они смотрелись дырами, ведущими в противоположную ослепительно белую реальность.

Я подошёл к ближайшей стене и тронул её слегка влажную, словно живую поверхность. В месте касания показался привычный серый кирпич, а на пальце осталось нечто, напоминающее плесень. Поднёс к носу – хм, совершенно ничем не пахнет. Странная дрянь. Я зачерпнул снега и, растворив в ладони, смыл чёрную слизистую массу с пальцев.

– Чего там жрёшь?

Красавчик, с хрустом перемалывающий чьи-то кости, сглотнул и обернулся. К растянувшейся в сытом оскале губе прилипло чёрное перо.

– Не подбирай тут что попало. Ещё дрищ прошибёт. Мы и так из графика выбились.

Это правда. Памятуя о местном фольклоре, я рассчитывал выйти к мосту засветло, но солнце уже скрылось, напоминая о себе едва различимой закатной полосой, а до реки было ещё пилить и пилить.

Когда я добрался до предполагаемого места переправы, меня ждало озаряемое светом луны разочарование... Очередное разочарование в людях. Автомобильный мост, отрекомендованный как крепкий и надёжный, приказал долго жить, и, думается, не вчера.

Полюбовавшись немного вскрывшейся Камой, дробящей лёд об уцелевшие опоры моей надежды на лучшую жизнь, я поборол желание вернуться к советчику для проведения воспитательной беседы и направился по единственно возможному теперь маршруту – к плотине ГЭС.

– До чего же кругом народ озлобленный, – делился я переживаниями с Красавчиком. – Он мне благодарен должен быть за то, что дочуру его приласкал. Где она ещё в своём захоlustье нормального мужика найдёт? Подумаешь, без её согласия. Ей небось лет пятнадцать. Буду я ещё у всякой сопли разрешения спрашивать. Она сама не понимает, что для неё лучше. И папашка такой же балбес. Думал, кровинушка его до сих пор – ангел непорочный. Ага, сейчас. И с кем только успела? Слушай, а может, он сам её дерёт? Вот ведь... А ещё про Закон Божий лепетал. Сволота лицемерная. Надо было всё же порешить гада. И ты бы нажрался от пуза. Давно уже мяса свежего не лопал? Ну, извини-извини, упустил из внимания. Погоди. – Я натянул поводья и замер, прислушиваясь к донёсшемуся с реки всплеску, совсем не похожему на шум ледохода, но Красавчик моего беспокойства явно не разделял. – Ты что, не слышишь? Вон там. Чёрт!

Под дрейфующим по водам Камы льдом неожиданно возникло огромное тёмное пятно. Нет, не просто огромное. Оно было циклопических размеров! Метров сто в ширину и хер знает сколько в длину. И оно продолжало расти! Стремительно! Будто с глубины поднималось нечто невообразимое, готовое вот-вот распрямиться и, встав в полный рост, закрыть своей монструозной тушей небо.

Ещё чуть-чуть, и я пустил бы лошадь галопом прочь от реки, но растущее тёмное пятно вдруг исчезло. Просто растворилось, будто и не было его.

– Что за херня? – Я вытер со лба испарину, сердце колотилось, словно эпилептик в героиновой ломке.

А вот кобыла моя не проявляла никакого беспокойства, за исключением опасливых взглядов в сторону своего пубертатного попутчика. Да и Красавчик оставался невозмутим, а уж он-то должен был почуять.

– Ладно, всё хорошо. – Я тронул поводья, и кляча поцокала дальше, по тянущемуся вдоль реки железнодорожному полотну.

Неужели опять мозги шалят, как в Москве? Нет, там совсем иначе было – просто дикий беспричинный страх, никаких галлюцинаций. Галлюцинаций? А чего же ещё? Что за невъенные монстры в Каме? Да при её глубине он бы брюхом о дно скрёб. Бля, до чего же глупое занятие – искать объяснение бреду. Но с какого хера вдруг такой приход? Неужто старикан с бормотухой поэкспериментировал? Не похоже. Сутки уже минули, а только прихватило.

Я поднёс к глазам правую ладонь, плюнул и стёр грязь с пальцев.

– Етить твою.

На крайних фалангах большого и указательного образовалось заметное покраснение. Ой, дурак. Говорила мне мама: «Избегай физических контактов с неидентифицированными веществами». Что? Какая нахуй мама?!

– Чёрт, с ума по ней схожу, – донёсся из-за спины кажущийся знакомым голос. – Хороша, ух хороша. – Бредущий позади Красавчик пускал слюни, пялясь на круп моей кобылы. – Ты только посмотри. Жопка словно орех. Думаешь, у меня с ней выгорит?

Я отвернулся и потряс головой, стараясь отогнать наваждение.

Красавчик заткнулся, но на смену его озабоченной болтовне пришёл другой звук – далёкий трубный рёв, несущийся над городом, словно громовой раскат.

От картины, представшей моим глазам, а точнее – мозгу, перехватило дыхание. Вдалеке, укрытое туманной дымкой, двигалось... На мгновение я усомнился в галлюциногенном происхождении речного монстра, потому что увиденное сильно походило на его сухопутную ипостась. Немыслимых размеров тело, похожее на слизня, медленно перемещалось с востока в сторону города. Голова титана, если это была она, терялась в облаках, а четыре сужающихся к концу щупальца молотили по земле, поднимая на воздух деревья и обращённые в пыль здания, разлетающиеся, словно травинки под ударами прута в руках шаловливого ребёнка. И волна обломков росла, приближаясь, как песчаная буря. Только осознание абсолютной невозможности происходящего помогло удержаться от паники, когда щупальца, сметая половину города, убили меня.

Вот же говно! Столько раз костлявую промеж ног мацал, а самые яркие воспоминания остались от сраного нейротоксина. Или чем там эта чёрная хуйня заправлена. Обидно. Ведь сам себя до усрачки напугал.

Я обтёр лицо от вымышленной пыли и на всякий случай потрогал седло – сухое.

Странное дело – на Красавчика «плесень» не подействовала. А ведь он наверняка касался её лапами.

– Эй, подойди. Ну-ка дай.

Хм. На коже такое же покраснение, как и у меня. Почему тогда...? А может, и на него подействовало, просто галюны не такие суровые?

– Чего в лапу вцепился? – недовольно прищурившись, спросил Красавчик. – Замуж позвать хочешь?

Тьфу, блядь! Чтоб тебя!

Я едва из седла не выпал.

Красавчик, видимо, слегка опешивший от моей неадекватной реакции, дёрнулся назад, но тут же развернулся и замер, направив угрожающе опущенную голову в сторону ближайших кустов.

– Вот и долгожданный приход?

Но четвероногий друг уже не обращал на меня внимания. Он припал к земле и осторожно, словно большая уродливая кошка, пополз к зарослям возле правого откоса.

Не успел Красавчик продвинуться и на десяток метров, кусты дрогнули, и оттуда с завидной прытью выскочило нечто белёсое. Рассмотреть тварь я не успел, потому что она в пять здоровенных прыжков пересекла расстояние между кустами и развалинами, где благополучно скрылась. Но Красавчика это не остановило.

– А ну назад!

Безрезультатно. Охотничий инстинкт, а может, и гормональный дисбаланс, уже гнал моего боевого товарища в атаку. И я последовал за ним, искренне надеясь, что всё увиденное нами – лишь очередная галлюцинация.

Руины вдоль реки представляли собой по большей части останки то ли промышленных, то ли складских зданий – длинные, низкие, редко выше трёх этажей. Слева по ходу нашего движения, закрывая вид на Каму, раскинулся огромный комплекс таких коробок, справа – ряд отдельно стоящих строений, в одном из которых и скрылась неведомая тварь.

Красавчик уже подбежал к входу, но отчего-то остановился и, глухо рыча, начал пятиться.

Я, притормозив и без того неохотно идущую лошадь, вынул из кобуры «АПБ».

В оконном проёме второго этажа мелькнуло белое пятно. Ещё одно. Ещё...

– Отходим, дружище, отходим, – натянул я поводья.

Кобыла с готовностью подчинилась, норовя перейти с шага в галоп.

– Не так быстро.

Белые пятна перестали мельтешить и замерли в окнах, множась с каждой секундой, пока одна из тварей не сиганула наружу. А за ней и остальные. Десятка два.

– А вот теперь неси, родная!

Повторять не пришлось. Битая жизнью кобыла вдруг обрела вторую молодость и припустила так, что я забыл о толпе белёсых мразей позади, больше беспокоясь – как бы не свернуть собственную горячо любимую шею, вылетев из седла.

Красавчик среагировал не менее оперативно и нёсся справа, шустро лавируя промеж деревьев, остовов автомобилей и заросших травой каменных курганов.

Приноровившись немного к галопу, я обернулся и дал очередь по преследователям. Двое белых сбавили ход.

Одна из тварей, проявив незаурядные спринтерские способности, забежала Красавчику в правый фланг и, немного обойдя, прыгнула, но промахнулась. АПБ коротко прострекотал, опустошая магазин, и агрессивный ублюдок, поймав несколько «маслят», продолжил движение уже кубарем.

Перезаряжать на скаку я не рискнул, а потому сунул пистолет в кобуру и сдёрнул с плеча «РГД». Говорят, дальность разлёта осколков у этой хлопушки – двадцать пять метров. Не знаю, всегда бросал только из укрытия.

Не без внутренней борьбы убедив себя, что создатели гранаты знали, о чём пишут в спецификации, я выдернул чеку, отпустил рычаг и, досчитав до двух, уронил «гостинец» под ноги недоброжелателей.

– ...три, четыре.

Когда взрыв хлопает за спиной и между ней и облаком осколков нет ничего, голова невольно втягивается в плечи, а тело сжимается, как мошонка на морозе, стараясь минимизировать собственную площадь и пропустить мимо разорванную тротилом сталь.

Взгляд назад выхватил из клубов пыли кувыркающиеся тела. Посечённые конечности болтались, словно цепи, молотя землю. Некоторые из раненых выродков не оставляли попыток подняться, вставали на складывающиеся в непредусмотренных природой местах ноги и снова падали, визжа от боли и бешенства. Те, кому посчастливилось уцелеть, прекратили погоню, распрямились в полный рост – весьма, кстати, внушительный – и провожали нас, нюхая воздух.

Кобыла, движимая адреналиновым ураганом, пронеслась ещё добрых километра три, прежде чем замедлила ход и начала хромать, припадая на правую заднюю ногу, пока в конце концов не остановилась.

– Вот блядство, – тронул я лошадиное бедро возле обильно кровоточащей рваной раны, отчего разгорячённые мышцы прихватило судорогой. – Отскакалась, родная.

Красавчик, почуяв кровь, возбудился сильнее обычного и бодро вышагивал взад-вперёд, не сводя глаз со своей возлюбленной, будто и не нёсся только что во весь опор.

– Дождался, сволочь бессердечная? У тебя две минуты.

Я, не желая созерцать акт противоестественного соития, снял багаж с обречённой животного, отошёл за ближайший курганчик и достал из сидора «Ф-1» с запалом.

– Да, тебя, сука чугунная, рядышком не бросишь.

Впрочем, дальше предстояло идти пешком, и поиск укрытия особых проблем не сулил, а потому «эфка» отправилась на левую лямку разгрузки. К ремню я прикрепил два подсумка по двадцать четыре патрона двенадцатого калибра с картечью и «четырьмя нулями» и повесил на шею дробовик. «Ремингтон 870». Отличная штука для душевного разговора накоротке. А ВСС, ввиду слабой вероятности предстоящего снайпинга, перекочевал за спину.

Красавчик тем временем закончил отправление базовых нужд и, весьма довольный, чавкал, пережёвывая вырванный из лошадиного бедра кусок. Кобыла лежала там, где я её оставил, обильно покрытая кровью. Холка была вся покусана, из разорванной артерии натекла большая красная лужа.

– Пойди сюда.

Красавчик послушно подошёл и принял на спину седельные сумки.

– Не туго? – затянул я ремни. – Хорошо. Можешь ещё пожрать. После тебя к этому всё равно никто не притронется.

Ненасытный урод с треском лопающихся жил выдрал из лошади здоровенный шмат и побежал за мной, жуя на ходу.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, не оставив и следа. Чуть прояснившееся небо снова затянулось облаками. Жёлтый диск луны едва проглядывал сквозь пелену. При обычных обстоятельствах я был бы рад такому раскладу. Ночь всегда играла на моей стороне. А безлунная – тем паче. Но не в этот раз. Наверное, впервые я ощутил себя неуютно в темноте.

Ветер, нагнавший облака, стих. Кроме шума реки, ничто не тревожило покой мёртвого города. Запахи и малейшие звуки слышались так ясно, что я различал стук сердца идущего метрах в пяти Красавчика, чуял его тяжёлый звериный аромат и больше всего на свете желал, чтобы небо разразилось дождём.

Камская ГЭС уже показалась над поредевшими остовами зданий. Железобетонная машина лежала поперёк реки, словно опрокинутый небоскрёб. Ближе к противоположному берегу плотина была сильно повреждена – два из пяти громадных быков раскрошило вместе с третью тянущегося на всю длину плотины здания ГЭС и проложенным по левой стороне автомобильным мостом. Но, судя по карте, справа имелись железнодорожные пути. И я на них

здорово рассчитывал, поскольку лазать по непригодным для этого развалинам над бурлящей рекой очень не хотелось.

Промашнувшаяся некогда ракета оставила после себя большую пойму, расширив русло перед плотиной в два с лишним раза. Так что пришлось делать крюк по краю нового берега.

Чувствуешь себя дьявольски дискомфортно, когда с одной стороны река, грохочущая протискивающимся через шлюзы льдом, а с другой – чёрные руины, полные неведомых ночных тварей, питающих к гостям отнюдь не радушие. Поэтому шёл я быстро. Так быстро, что не заметил...

Первым на атаковавшую меня тварину среагировал Красавчик. Он резко обернулся, и только благодаря этому я успел нырнуть в сторону, пропустив несущуюся с куском арматуры в лапе мразь. Она пролетела вперёд и грохнулась плашмя наземь, получив заряд картечи аккурат промеж лопаток. Вторая белёсая дрянь огребла прикладом в рыло и тут же поймала тридцать два грамма свинца, отчего над данным природой ртом образовался ещё один, в качестве компенсации за потерянные нос и затылок.

Чёрт! Люблю дробовик! Даром что шумный и громоздкий, он куда ближе к ножу, чем пистолет или винтовка. А уж если примастырить к нему штык!.. Почти честное оружие. С его восемнадцатидюймовым стволом не шмальнёшь за полкилометра сквозь кирпичную стену, когда цель мирно дрожит на личную безопасность. Не привинтишь глушитель, превращающий убийство в рутинную последовательность навёл-нажал-ушёл. Двадцать метров, прямая видимость, адский грохот. Но что может сравниться с эффектом от снопа картечи, сносящего половину головы, выворачивающего наружу фаршированные осколками рёбер лёгкие, отрывающего конечности? Я не раз видел, как накачанные наркотой или просто взвинченные до предела человечьи особи летели в атаку, ловя пулю за пулей, а замечали это только к концу боя. Но я никогда не видел, чтобы кто-то оставил без внимания точный выстрел из дробовика. С близкого расстояния даже мелкая дробь способна накрутить такого фарша, что не залатаешь. Кучная осыпь в любую часть тела влечёт, если не мгновенный карачун, то чуть более медленный, от потери крови.

Раж пришёл быстро. Адреналин забурлил в сосудах, и мир будто залило вязкой патокой. Всё вокруг замедлилось: летящие на меня пермяки; вспышки пороховых газов, вырывающиеся из ствола, словно жёлтый воздушный пузырь под водой; горячие алые брызги, покрывающие моё лицо; пермяки, летящие уже в противоположном направлении, кувывающиеся в дымном шлейфе гильзы; Красавчик, разрывающий глотку недоброжелателю. Картины, рисуемые ражем, всегда прекрасны, но нападавших было слишком много, чтобы наслаждаться кровавым полотном. Отстреляв пять патронов, я уже не успевал пихать их в магазин, закидывал прямо в окно экстрактора и, дослав, тут же садил по первой подвернувшейся твари. Цевьё назад, и всё по новой. Я отступал, лавируя между недружелюбной пермской фауной, до того прыткой, что, даже несмотря на раж, не всегда мог поймать момент для спуска, и треть выстрелов уходила в никуда. Один подсумок опустел, а плотина приблизилась не больше чем на полсотни метров.

– Сюда! – крикнул я Красавчику, добравшись до остатков ближайшей стены, и, разрядив дробовик в рожу очередного злопыхателя, сдёрнул с плеча «эфку».

Магазин успел заполниться патронами наполовину, когда граната, взлетев по высокой дуге, ухнула в паре метров над головами преследователей.

Не давая засранцам опомниться, я выскочил из укрытия и, положив троих, что есть мочи сиганул к плотине.

Глава 3

Жизнь – прекрасная штука. Никогда не понимал тех, кто утверждает, будто она – дерьмо. Раз так, хуй ли терпишь? Дело-то нехитрое, способов много. Нет, продолжают ныть, как всё херово, как всё заебло, однако же с жизнью просто так расстаться не спешат. Один подобный страдалец как-то сказанул, что жизнь для него – типа гниющей ноги – и носить больно, и оттяпать жалко. Говно вопрос. Колеблющимся всегда помогу. Но если честно, не представляю, какая беда должна случиться, чтобы жизнь стала в тягость. Да, я видел и слышал многих, кто просил о смерти. Такая уж работа. Но мне никогда не удавалось поставить себя на их место. Я пытался, в самом деле. Профессиональный интерес, так сказать. Однако до сих пор в неведении. Что заставляет разумное существо желать смерти себе ненаглядному? Основных причин, на мой взгляд, три.

Причина первая – стремление защитить близких единственным возможным в данных конкретных обстоятельствах способом. Не понимаю. Близких у меня было всего четверо. Ни за одного я не отдал бы жизнь. А двое так и вообще пытались забрать её самостоятельно, даже мнения моего не спросив, за что и поплатились. В общем, близкие – не тот случай.

Причина вторая, более популярная – отчаяние. Встречается, сколь это ни парадоксально, среди особей жизнью как раз-таки избалованных. О да, жизнь-кормилица постоянно держит их возле тугой и сладкой груди, ревностно следя за тем, чтобы у баловней ни в чём не было недостатка. Пока однажды это ей не надоест и сочащийся благодатью сосок с громким чпоком не выскользнет из слюнявых губёшек. Наверное, это тяжело. Вот у тебя всё, ты как сыр в масле, и тут – бац! Ни денег, ни дома, ни дружков-жополизов... Но ведь ты ещё жив. Руки и ноги на месте. Шансы наверстать потерянное есть, используй их. Хотя бы попытайся. А что они делают вместо этого? Вешаются, топятся, режут вены, вышибают себе мозги. Вот последних особенно не понимаю. Неужто, имея на руках ствол, нельзя найти ему более достойное применение?

И наконец причина третья, самая распространённая – боль. Во всём её многообразии. Скажем, рак прямой кишки – неплохая причина сдохнуть? Пожалуй. Во всяком случае, она лучше предыдущих. Но случись такая неприятность, я предпочёл бы укоротить свой говнопровод, жрать, не отходя от сортира, сбросить десяток-другой килограммов, но жить. Да, быть может, не столь расчудесно, как с целыми кишками, но всё-таки – жить. А там будет видно, как карта ляжет. Другое дело – боль рукотворного происхождения. Она куда мучительнее той, что порождена хворью. Природа милосердна и причиняет минимум боли. Я – нет. Вот что интересно – когда моя трудовая деятельность только начиналась, в арсенале у меня имелись приемы, сопряжённые с большими потерями для пациента. Тот терял себя по кускам. Это наверняка было неприятно, но самое сильное впечатление производила не боль, а вид собственного мяса, лежащего теперь отдельно. Многие из моих подопечных проникались настолько, что впадали в глубокую прострацию и в качестве источника информации становились совершенно бесполезны. Они даже не просили о смерти, попросту утрачивая связь с пугающей реальностью. Пришлось взять на вооружение более скучные методы воздействия. Оголённый нерв, пинцет, иглы, паяльная лампа... И дело пошло. Хотя, казалось бы, урон несопоставим. И потерпеть можно. Я знаю, о чём говорю. Мне рвали ногти, ломали кости, стреляли, кололи, резали, приходилось и принимать негашёную известь на открытое мясо – терпимо. Жизнь дороже. Люблю её, чёрт подери. Хоть иногда она бывает та-а-ко-о-ой сукой!

Первый выстрел – по звуку «СКС» или «АКМ» метрах в ста пятидесяти – прозвучал с плотины, когда я едва взобрался на железнодорожную насыпь, примыкающую к ГЭС справа от шестизэтажной башенки – одной из двух, венчающих здание станции по краям. Висящая на ремне фляга брызнула, пробитая навывлет.

– Дерьмо!

Наплевав на множасьихся за спиной тварей – опасных, но – дай им бог здоровья – не садящих свинцом вдогонку, я бросился к укрытию.

Вторая пуля зарылась в землю прямо под ногами, заставив изобразить горного козла и ощутимо добавив прыти. Третья – вышибла кусок бетона из угла коробки, за которую я успел нырнуть, после чего, не останавливаясь, забрался на стоящую вертикально цистерну и запрыгнул в окно третьего этажа башни.

Для «таинственного» стрелка я стал недосыгаем. Однако мой хитроумный манёвр не остался незамеченным аборигенами. Парочка тварей выскочила из-за угла бетонной коробки и попыталась повторить его, но была грубо остановлена картечью, что, впрочем, не послужило уроком для остальных. Место почивших товарищей тут же заняли их менее расторопные земляки, и мне пришлось, расстреляв оставшиеся патроны, отступить вверх по лестнице.

– Ах, дьявол! – остановился я на середине пролёта, услышав внизу рычание Красавчика и визг одного из наших пермских друзей. – Ко мне! Живо!

Пришлось вернуться к окну, чтобы вырвать отставшую животину из окружения.

Пока заряжал ружьё, на лестничную площадку успели запрыгнуть три безглазые твари и бросились вниз, привлечённые шумом схватки. Я помог им в меру сил, придав ускорения тремя выстрелами. Ещё один достался пермяку, слегка не долетевшему до места назначения и скребущему когтями подоконник в отчаянной попытке забраться. Угодивший в лоб заряд картечи ополовинил ему голову. Тварь осталась висеть снаружи, заливая подоконник и пол кровью.

– Два, три... – пихал я в магазин патроны, пока Красавчик с боем пробивался наверх. – Сука, – шаркнули пальцы по дну опустевшего подсумка и полезли во второй, с крупной дробью, – ...четыре, пять.

Очередная тварь запрыгнула через окно и, поскользнувшись на кровавой луже, втемяшилась в стену. Непредвиденный кульбит спас её от первого выстрела, но второй оставил на месте сердца сквозную дыру размером с кулак. Тварь, рассыпая алые брызги, грохнулась на жопу и замерла, будто изваяние.

– Где тебя носит?!

На лестничной площадке появился вымазанный в крови Красавчик и, не останавливаясь, сиганул мимо меня, наверх, а следом – два не на шутку рассерженных пермяка, успокоить которых едва удалось оставшимися тремя патронами. Но снизу по трупам уже лезли новые, тесня акробатов, продолжающих прибывать через окно.

– Вашу мать!

На перезарядку ружья времени не осталось. Я выхватил «АПБ» и помчался вверх по лестнице, на ходу опорожняю магазин и вставляя новый. Сложно промазать, когда ступеней не видно под серыми телами в три слоя. Одна беда – отбиться ещё сложнее.

– Давай, родная! – дёрнул я что есть силы складную чердачную лестницу, добравшись до крайнего этажа. Та закрипела, осыпала меня ржавчиной, но – хвала судьбе и вселенскому разуму! – опустилась. Я закинул патрон в окно дробовика, отстрелил замок и, взлетев по лестнице, со всего маху саданул плечом и – как ни старался уберечь – головой в крышку люка. Десятки лет заносимая землёй дверца не устояла перед отчаянным натиском и со следующим толчком откинулась в сторону.

– Живее! – ухватил я, забравшись наверх, Красавчика за седельную сумку и втащил следом. Крышка люка упала на высунувшуюся безглазую рожу. Торжествующий визг твари сменился хрустом позвонков. – Прижми!

Красавчик вскочил на подпрыгивающую от ударов дверцу, чем сильно затруднил настырным пермякам задачу.

Удостоверившись, что веса моего питомца достаточно для сдерживания рвущихся снизу гостей, я убрал «АПБ», снял с плеча «ВСС» и поспешил к поребрику, дабы осмотреться. Но «таинственный» стрелок был начеку. Едва моя голова показалась над выщербленной кирпичной кладкой, с плотины грохнул выстрел, и каменная пыль заскрипела у меня на зубах.

– Зараза!!! – нырнул я вниз, меняя позицию. – Ткач! Слышишь меня?! – В ответ прилетела ещё пуля, но на этот раз легла далековато. – Давно ждёшь? – Молчит, сука, выцеливает. – Да брось, я же просто хочу поддержать беседу. Неужто нам и поговорить не о чём? Ведь не первый день знаемся. Как сам-то? Сиплый просил тебе привет передавать. Помнишь Сиплого? А Гейгера помнишь? А Балагана? Кстати, он тоже подох. Жаловался на тебя перед смертью. Говорил – это ты его дыранул. Обидно ему было. Верил он тебе. Понимаешь? Жаль парнишку.

– Жаль? – донеслось метров с пятидесяти, не больше. – Что ты можешь знать об этом, выродок?

– О, Алексей, Алексей... Твои слова ранят меня. И у мутантов есть сердце.

– Я проверю.

– Ну, для этого придётся подойти ближе. Или решил измором взять? Так оно вряд ли выгорит. Тут внизу целая гора мяса. Думаю, часть его, что посвежее, направляется сейчас к тебе. – Я отполз немного в сторону и высунулся на секунду, этого хватило, чтобы разглядеть засидку Ткача на козловом кране.

Очередная пуля просвистела над поребриком, но уже слишком поздно.

– Патронов много?

– На тебя, суку, хватит.

– Ты неверно расставляешь приоритеты, Алексей. Не я сейчас твоя основная проблема.

В подтверждение моих слов с крана прозвучало несколько пистолетных выстрелов. Падающее тело загремело по металлической лестнице и глухо ударилось о бетон. Внизу с десятков глоток разразились свистящими воплями.

– Они недолго будут колебаться. Я бы на твоём месте оставил патрон про запас. Говорят, в местных традициях прессовать незваных гостей до полной потери личности. А это, думаю, чертовски неприятно. Судьба нас опять затолкала в ведро, закрыла крышку и поставила на угли. Так, может, подумаем, как выбираться, вместо того чтобы грызть друг другу глотки?

С крана опять захлопали выстрелы, на сей раз больше и чаще.

– Твои предложения? – Презрения в голосе Ткача заметно поубавилось.

– Вот это другой разговор! Что в арсенале?

– «Калаш», с полторы сотни «семёрок», «ПММ» с тремя полными магазинами, две «эрг-эдэшки».

– Отлично! Будешь прикрывать мой отход.

– Ты охуел?!

– Спокойно. Я отойду на сто метров, и мы поменяемся ролями. Снайпер из тебя говённый, насколько успел заметить. А у меня «ВСС» и дрободан, несподручно будет прикрывать тебя отсюда.

– За идиота меня держишь? Чтоб вас...! – «ПММ» снова захлопал, посылая свинцовые гостинцы наиболее активным пермякам. – Ты ж съёбёшься, как только сможешь.

– Я бы с радостью, да вот заказчик мой возражает. Просил разузнать у тебя кое-что. Не люблю обманывать возложенные на меня ожидания. Вот какая загвоздка. Ну? – поднялся я из-за поребрика. – Добро?

– Если кинешь...

– Не бзди, Лёха. – Я достал из сумки верёвку, привязал её конец к торчащему из поребрика куску трубы и проверил надёжность крепления. – Будешь спасён. Меняемся. – Я встал обеими ногами на крышку люка и привязал свободный конец верёвки к петле на седельных сумках Красавчика. – Марш за борт!

Зверюга, опасливо поглядывая вниз, свесилась с поребрика.

– Пошёл!

Красавчик сверкнул напоследок полными сомнения глазами и отправился в полёт, ставившая когти о стену. Вибрирующая под его весом верёвка дрогнула и через секунду ослабла, перекушенная. Четвероногий альпинист рыкнул, сигнализируя об успешном приземлении.

– Граната не помешала бы, – подумал я вслух, натягивая перчатки. – Ткач, готов?

– Готов!

– Ну, в гостях хорошо, а замочить вас придётся. Крой! – Я, дождавшись очередного толчка, прыгнул к верёвке и сиганул вниз.

В следующую секунду с крана застучал автомат, поливая ворвавшихся на крышу тварей. Я едва успел отскочить в сторону, когда срезанная очередью серая сволочь, грохнувшись сверху, забрызгала мне ботинки содержимым пробитого черепа. А потом я побежал. Я нёсся вслед за лавирующим промеж ржавого железного лома Красавчиком по усеянной громадными трансформаторами крыше ГЭС и видел скачущие из-за моей спины тени, слышал сквозь автоматную трескотню скрежет когтей по бетону, свистящее дыхание и клцанье зубов так близко, что даже краткая остановка придвинула бы их вплотную к моему горлу. Говоря откровенно, на какой-то момент я распрощался с мыслью воплотить мною же предложенный план. Но чем дальше я бежал, тем реже раздавалось клцанье и меньше становилось скачущих за спиной теней. Когда отмеренные сто метров закончились и я обернулся, позади остались только две стоящие на ногах твари, которые через секунду пополнили мостовую из трупов, тянущуюся от самой башни.

– Неплохо. – Я подбежал к краю крыши и заглянул в прицел «ВСС».

У ближней опоры крана скопилось десятка два бледных засранцев, самые нетерпеливые из которых карабкались вверх, старательно избегая попадать на линию огня. Остальные, задрав безглазые морды и совершенно не интересуясь судьбами соратников на левом фланге, нюхали воздух в сладострастном предвкушении.

– Простите, ребята, – взял я в прицел первого верхолаза, – и рад бы поглядеть, да обстоятельства не на нашей стороне.

«ВСС» сухо щёлкнул, и мёртвая тварь полетела вниз, ломая кости о подвернувшееся на пути железо. Зрители внизу заволновались. Второй любитель острых ощущений схватил пулю в плечо, не удержался и, визжа, рухнул на бетон, прямо посреди любопытствующей публики, дружно развернувшей морды в мою сторону.

– Ткач! – крикнул я, опасаясь, что внимание общественности сейчас полностью переключится на поиск источника звуков, сопровождающих гибель честных пермяков. – Пошёл!

Мой невольный поделщик начал спуск. Одновременно с этим четыре твари полезли наверх, и ещё шестеро, отделившись от комитета по встрече, пустились-таки на поиск.

Решив не размениваться на одиночек, я зацелил плотную группу у подножия крана и, дождавшись, когда три долговязых силуэта выстроятся в линию, выбрал спуск. Пуля легла под левую ключицу первого в очереди на Страшный суд, затем разорвала сердце второго и нашла последнее пристанище в кишках третьего. Остальные, почуввав резкое ухудшение демографической ситуации, спешно рассредоточились. Пришло время заняться верхолазами. Чемпиона и его ближайшего преследователя Ткач успел уработать самостоятельно. Мне достался аутсайдер и замыкающий тройку лидеров.

Тем временем поисковый отряд уже обнаружил источник проблем с демографией и полным ходом скакал ко мне, радостно клцая зубами. Пришлось ненадолго оставить Ткача без поддержки и переключиться на решение собственных проблем. Две из них разрешились возле башни, едва выскочив из окна. Ещё три устранились, не преодолев и половины пути по крыше. И последняя – самая сложная, получив пулю в бедро метров за десять до финиша, пошла на корм Красавчику.

Ткач между тем спустился и, положив оставшихся тварей, рванул по шпалам в противоположную от негостеприимной Перми сторону. Я, как было обещано, прикрывал его отход, пока не удостоверился, что это уже ни к чему – преследователи закончились. Так я думал. Ну не может же всё всегда быть херово. Должна начаться и светлая полоса. Патронов почти не осталось, лошадь сдохла, разбитая о крышку люка башка гудела, как колокол. Но один взгляд вниз заставлял позабыть обо всех невзгодах и наполнял сердце почти детской радостью. Там, внизу, как на ладони, бежал он – моя неизменная уже полгода цель. Ни с одним заказом я не возился так долго. И ни одну голову не желал так сильно, как эту. В Казани я облажался. Но теперь... Угольник прицельной сетки, чуть опередив бегущего Ткача, повис возле его левого бедра. Палец нежно выбирал спуск. Нет, дружище, не в этот раз. Исчерпал ты лимит своего везения.

Но жизнь – подлая сука. Не могу этого не признать, хоть и люблю её всей душой. Мерно отсчитывающий ногами шпалы Ткач вдруг ни с того ни с сего дёрнулся и припустил, как под хвост ужаленный. Я оторвал глаз от прицела, и... В первые секунды мне подумалось, что нейротоксин, описав несколько кругов по моей кровеносной системе, снова нашёл лазейку в мозг и забавляется теперь, подкидывая жёсткие галюны. К плотине со стороны Перми катилась волна. Огромная серая волна плоти. Она шипела сотнями глоток и брызгала во все стороны жилистыми телами. А посреди этой волны двигалось нечто... Не могу его описать. Оно было крупным. Очень крупным и тёмным. Плыло там, среди серой пены, будто большая лодка. Жаль, что не разглядел его в прицел. Но в тот момент мысль была лишь одна – не самая достойная с точки зрения науки, но однозначно самая здравая с точки зрения любви к жизни: – Съёбываем.

Всего полминуты назад я, морщась, думал – как хорошо было бы сейчас сесть в кресло и вытянуть деревянные от усталости ноги. А теперь они несли меня со скоростью, которой позавидовали бы лучшие курьерские жеребцы.

Но волна, несмотря на все мои старания, приближалась с каждой секундой. Ни одна серая тварь в отдельности не двигалась так быстро, как это громадное скопище. Оно перемещалось, словно единое существо с великим множеством ног и рук, ведомое одним мозгом.

Я сам не заметил, как долетел до середины ГЭС, и едва успел затормозить, ухватившись за погнутую опору линии электропередачи. Ещё шаг, и уроки плавания в ледяной Каме стали бы неотвратимы. Прямо передо мной разверзлась пропасть. Частично обрушенная взрывом плотина уходила вниз бетонным утёсом, испещрённым ржавыми обломками арматуры. Так что кроме весенней прохлады под дрейфующими льдами падение обещало запомниться несколькими килограммами мяса и кишок, оставленными по пути.

– Давай на рельсы! – крикнул я Красавчику, спешно подыскивая маршрут для спуска. Не придумав ничего лучше, схватился за свисающий кабель и прыгнул вниз. По левой ладони больно резануло. Торчащая из прогнившей обмотки жила разорвала перчатку и кожу. Рука соскользнула с кабеля, и я хорошо приложился бедром, грохнувшись на железную херню. – С-с-сука! – Вот теперь бежать стало по-настоящему тяжело.

Через некоторое время меня нагнал вошедший в ритм Ткач. И что удивительно, даже не попытался пристрелить, воспользовавшись ситуацией. Я обернулся, предчувствуя неладное, и в очередной раз убедился в том, что честность и благородство среди наёмников – либо недоразумение, либо почудилось. Волна, вздымаясь и падая, шипела буквально в двадцати метрах! Отдельные твари выпрыгивали из бурлящей серой массы, пытаясь дотянуться до нас раньше остальных, и тонули в набегающем потоке.

Положение становилось по-настоящему отчаянным. Настолько отчаянным, что в голову даже закралась мысль: «А не сигануть ли мне в Каму наудачу?» Но до края было слишком далеко. Поверни я в сторону, тут же оказался бы под грудой пермских уродов. Да и ебальник у удачи треснет от улыбки достаточно широкой, чтобы мне выжить при падении с плотины

в ледоход. Вариантов осталось всего два – подохнуть, драпая, или подохнуть, встретив смерть лицом к лицу. Я выбрал второй. Как ни странно, Ткач поступил так же. Мы развернулись почти одновременно, добежав до конца плотины, и вскинули стволы.

То, что произошло дальше, я и сейчас не смогу объяснить. Живая волна остановилась метрах в пяти от нас. Оказавшиеся на её гребне твари посыпались вниз и, упав, немедленно бросились назад в шипящую, визжащую и клацающую зубами массу, словно пересечение некой невидимой глазу черты грозило им всеми ужасами ада. Из глубины остановившегося потока к нам подкатил сотканный переплетёнными серыми телами огромный пузырь, и трубный, будто родившийся в костях черепа голос произнёс, едва не разорвав мне голову:

– Убирайтесь! ВОООООН!!! Из моего... гооорода...

Громоподобный бас затих, словно его обладатель выдохся уже на втором слове, и полный угрозы вопль стал едва ли не скучающим шёпотом борющегося с зевотой старика. Пузырь плоти дрогнул, будто его пробил озноб, и подкатил ближе. Сплетённые воедино тела изогнулись, открывая брешь в этом живом щите, откуда на меня взглянуло... Нет, не на меня. В меня. Оно смотрело прямо внутрь. Я вдруг почувствовал себя голым. Без одежды, без кожи, нервами наружу. Под сотнями пар глаз. Пустых. Но таких цепких...

– Злооо, – сухо констатировал голос. – Иди прочь. Дааальше. Тааам... твоё... мееесто...

Брешь в пузыре закрылась, и таинственный хозяин Перми отправился назад, в свою вотчину, уносимый серым потоком.

Не знаю, как долго мы с Ткачом простояли, глядя ему вслед, но когда я очухался, плотина была уже чиста. Лишь редкие багровые пятна остались на бетоне напоминанием, что всё произошедшее не является плодом воспалённого сознания. А потом мы повернулись лицом друг к другу.

Хм... «Друг к другу» – забавное выражение. Зарезали друг друга. Ненавидели друг друга... Русский язык полон абсурда.

Секунды три мы просто стояли, молча, без движений, как два болвана. Трудно сказать, о чём в те мгновения думал Ткач, но я думал об углах, под которыми ствол его «калаша» направлен ко мне, а ствол моего «ВСС» – к нему, какой из них скорее достигнет девяноста градусов и по какой траектории. Четвёртая секунда показала, что мой расчёт был верен. Ткач вскинул автомат, целя мне в грудь – слишком долгий путь к успеху. Я же удовлетворился малым. Как только линия огня по кратчайшей траектории пересекла силуэт моего закадычного «друга», я нажал спуск. Пуля угодила Ткачу в правое плечо. Автоматная очередь ушла в небо. А сам Ткач, упав, покатился вниз с крутого берега. Вот на это я не рассчитывал. Прежде чем кувыркающийся наёмник попал в прицел, его поглотили тёмные воды.

– Дьявол! – Я побежал по берегу, напряжённо всматриваясь в бурлящую льдом Каму, но Ткача и след простыл. – Блядь! Да что ж такое! Неужели всё зря? Полгода коту под хвост! Но... что это? – Ах ты, сучий потрох! – Далеко впереди, на белой льдине зачернелась крошечная точка. Я прилип глазом к прицелу. Точно! Он! Вот же везучий ублюдок. Молодец. Молодчина, чёрт тебя дери! Охота продолжается.

Глава 4

Долгая дорога учит ценить домашний уют. Нет, я не про любимый свитер и кресло-качалку у камина. Мне уютно там, где можно позволить себе крепкий сон. Бетонная коробка под землёй, с тоннелем для экстренной эвакуации на случай чего, вполне годится. Ах, дом, милый дом!.. Как же я скучаю по тебе, ночуя в сыром лесу на лапнике с вероломной тварью под боком.

– Отвали, – пихнул я жмущегося к ногам Красавчика.

Тот спросонья недовольно рыкнул, но тут же подошёл, понунив голову и встал напротив моего лица.

– Что устался? Не надо хлопать глазами. Ты слишком уродлив, чтобы быть милым.

Я повернулся на другой бок, но настырное животное, обогнув меня, заняло прежнюю позицию.

– Съебись, а. От тебя воняет хуже, чем от моих сапог.

Красавчик облизнулся и, вывалив язык, задышал мне в лицо.

– Господи. Что тебе надо? Хочешь об этом поговорить? Ладно, давай поговорим. Начнём, пожалуй, с того, как ты весело упиздывал за горизонт, оставив меня в компании Ткача и толпы агрессивных тварей... Нет, слишком мягко. В толпе агрессивных тварей – вот так будет правильно. Есть что сказать в своё оправдание? Э не, – отстранил я фамильярно лезущую мне под нос морду. – Слюнями тут не поможешь.

Красавчик фыркнул и улёгся, положив голову на передние лапы.

– Знаешь, у меня никогда не было друзей.

Скотина участливо приподняла морду и заскулила.

– Ну, таких друзей, о которых в старых книжках пишут. Чтоб и в огонь, и в воду, и себя не щадя... А знаешь почему? Потому что они мне нахуй не нужны. Да, рожа ты слюнявая. И даже если мне прям обосраться как понадобится друг, я выберу его из прямоходящих особей. А от тебя мне требуется безоговорочное подчинение и прикрытие тылов. Короче, если ещё раз так налажаешь... Всё, уйди с ветра, дышать нечем.

Утром Красавчик принёс бобра, положил его у вещмешка и занялся в кусты, подальше с глаз.

Я развёл костёр и, освежевав тушку, насадил её на вертел. Через несколько минут над поляной разошёлся аромат жареного мяса. Но даже тогда Красавчик не высунул носа, демонстрируя чудеса самообладания.

– Хорош выкобениваться. Обиженный нашёлся. Иди уже. Ну? Да и хер с тобой! Не хочешь – не жри. Мне больше достанется.

Бобёр был жёсткий, слегка пованивал, но в целом – вполне себе ничего. Я быстро умял половину. Оставшееся мясо срезал про запас, а кости бросил в кусты. Скоро оттуда донесся робкий хруст, с каждой секундой всё усиливающийся. Наконец, смирившись с фактом того, что образ угнетаемого страдальца ему не по силам, Красавчик покинул место своего добровольного изгнания и бесцеремонно сунул морду в мешок с оставшейся бобрятиной.

– Да, таким ты мне больше нравишься.

Животное подняло морду от еды и довольно ощерилось.

– Принципы приводят лишь к разочарованиям, дружба – к ссорам, а сидение на холодной земле – к простатиту. – Я встал и отряхнулся. – Ну, есть идеи, где нам теперь искать Ткача? Жри, не отвлекайся. Это был риторический вопрос. Так-так, – развернул я карту. – Что мы имеем? Если Ткача прибьёт к берегу, то к этому. Он продолжает идти на север. Но теперь он ранен. Ранен, измотан и вымочен. Вот наш Ткач выбирается из реки, чуть живой от холода и потери крови. Шатаясь, ковыляет, но очень-очень хочет прилечь, согреться и залатать дырку

в плече. Где он может это сделать? – Палец пошёл вверх по реке, минуя немногочисленные деревушки. – Да где угодно, если найдёт там разумные неагрессивные формы жизни. Найдёт, как думаешь? Разумеется. В такой глуши ещё хватает непуганых идиотов. Нужно это исправить.

Первые две повстречавшиеся нам на пути деревни оказались необитаемы, причём очень давно... Скособоченные избы дышали гнилью через пустые окна. Половицы заросли землёй без единого следа. Обычное дело. Мёртвые мегаполисы, словно очаги гангрены, распространяют вокруг себя смерть и запустение. И вовсе не обязательно, чтобы от них исходила реальная угроза. Неизвестность – вот что пугает больше всего. Даже чистые города имеют вокруг себя ареал пустошей. Однажды вымершие, они никогда уже не возрождаются. Это как гроб с мягким дорогим подбоем – там, быть может, и удобно спать, но мало кто предпочтёт его даже подстилке из гнилой соломы.

Уже начало смеркаться, когда мы вышли к небольшой деревушке возле самого берега. Всё то же, что и раньше, – смерть и запустение. Но... с одним отличием.

– Проверь, – кивнул я в сторону избы, возле которой сушилась на стропилах сеть с лохмотьями свежего ила.

Красавчик подошёл ближе и, втянув носом воздух, глухо зарычал.

Я расстегнул кобуру и пошёл к крыльцу.

За дверью послышался кашель и звук льющейся воды.

– Хозяин, – постучал я в дверь, встав к стене. – Эй, есть там кто?

Все звуки тут же стихли. Казалось, обитатель дома и дышать перестал, настолько полная воцарилась тишина.

– Мне бы на постой. Я заплачу.

– Нет, – произнёс басовитый с хрипотцой голос.

«Нет»? И как спорить с подобными аргументами?

– Ладно. Будем честны друг с другом. Я ищу одного человека. Он ранен и наверняка попросил бы тебя о помощи, если б добрёл сюда. Так что, встречался тебе мой знакомый?

– Не встречался! – отрезали из-за двери. – Здесь только я.

– Что ж... Тогда пойду своей дорогой. После того, как внимательно осмотрю дом.

– Зачем это? – поинтересовался голос, дрогнув.

– На всякий случай. Вдруг ты что-то подзабыл.

– Ничего я не подзабывал! Проваливай! У меня ружьё!

Ого! Да наш малый не промах. Целое ружьё!

– Не дури. Просто дай мне осмотреть твою берлогу, и распрощаемся.

Я помотал кулаком, давая Красавчику знак постучать в дверь, а сам отошёл за угол, к окну, и, сунув кинжал между брёвнами, приподнялся, так что через мутное стекло мне стал виден глядящий на дверь негостеприимный хозяин с двустволкой в подрагивающих руках.

– Пошёл к чёрту! Пока башку не отстрелил!

Красавчик тихонько поднялся на крыльцо и дважды стукнул, прежде чем в досках над его головой образовалась продолговатая дыра.

«АПБ» сухо затрещал, послав три пули в правую кисть агрессивного отшельника и в ствольную коробку.

Пришедшее в негодность ружьё с грохотом упало на пол. Незадачливый отстреливатель бошек взвизгнул и согнулся, прижимая к груди изувеченную руку.

– Дьявол! – вытащил я из щеки осколок разлетевшегося вдребезги стекла. – Видишь, что ты натворил? Живо снимай засов! Иначе спалю к ебене матери!

Хозяин, скрючившись и поскуливая, поковылял отпирать дверь.

– К стене, – указал я стволом, войдя. – Красавчик, следи за ним. Дёрнется – оторви левую руку.

Хозяин – высоченный сухой мужик с нечёсанными сальными патлами и чёрной бородой едва не до пояса – забился в угол и вперился полубезумными воспалёнными глазами в неведомую ему тварь.

– Будь объективен, – добавил я, видя, как верхняя губа Красавчика поползла к мочке носа в предвкушении скорого пиршества, и перевёл взгляд на бородатого отшельника. – Где? – В грязной, заваленной хламом избе трудно было ступить, чтобы не опрокинуть заросшую прогорклым жиром миску или не разворошить кучу вонючего тряпья. – Оглох? Я должен сам найти, да? Это такая весёлая игра? Красавчик, откуси ему...

– Не надо! – вскрикнул бородач, оставаясь при этом совершенно неподвижен. – Он в подполе.

– О! Засунул раненого бедолагу в сырой холодный подпол? Да ты настоящая душка.

– Люк там, – опасливо мотнул головой бородач, видя мои бесплодные попытки отыскать крышку под слоем мусора.

– Открывай. Ну!

Он, не сводя глаз со своего безмолвного стража, отполз на жопе в сторону и, только оказавшись на некотором отдалении от Красавчика, решился медленно-медленно встать, после чего поднял крышку. Из дыры в полу дхнуло затхлой сыростью.

– Эй! Ткач! – позвал я, стоя поодаль. – Живой? – Тишина. – Он живой у тебя? – проконсультировался я с хозяином постоянного подпола.

Тот опустил глаза и помотал головой.

– Что?! Ткач! – снова крикнул я в темноту.

– Он уже мёртвый был, когда его к берегу прибило, – виновато промямлил бородач и поднял здоровую руку, будто защищаясь.

– Веди. Давай, пошёл вниз!

Мой мрачный проводник взял с притолоки лучину и, запалив, стал спускаться по скрипучей лестнице. Свет крохотного огонька заплескал на блестящих влагой стенах, отразился от множества стоящих рядами склянок и остановился возле высокой бочки, мерцая на поржавевших ободах.

– Тут он, – зловеще прогудел в каменном мешке голос бородача.

– Покажи.

– Да смотреть-то особо не на что... Ладно-ладно, как хочешь.

Он снял крышку и, пошарив, вынул из бочки голову.

От лица, покрытого солью, мало что осталось – глаз нет, на месте носа дыра, губы висят лоскутами. Волосы? Вроде похожи, но не уверен.

– Льдом, должно быть, перетёрло, – любезно пояснил бородач.

– Вещи при нём какие были?

– Да какие ж при утопленнике вещи? Лохмотья только.

– Где они?

– Там, – кивнул он вверх. – На растопку оставил.

– Показывай.

Бородатый долго копался в своём приданом и наконец извлёк на свет божий выцветшее, когда-то чёрное, судя по всему, тряпье.

– Во, – продемонстрировал он находку, мрачный, как блядь в исповедальне.

– Что? Это же... – перетряхнул я лохмотья. – Ряса?

– Я ж говорю, он уже мёртвый прибился, – клятвенно приложил бородач к сердцу здоровую руку. – Чтоб я святого человека... Да ни в жизнь! Грех такой. – Но, видя плохо скрываемую радость на моём лице, воспрял духом и даже изобразил под спутанными волосами подобие улыбки. – Так вы это... не приятели с ним, что ли? Не? Уф. А я уж было подумал...

– Напугал ты меня, леший, – бросил я лохмотья обратно в кучу. – Не друг он мне, нет. Похоже, Андрюшу кузнечихинского тебе река принесла.

– Кого? – вытаращил глазищи бородач, поймав на лету рясу и наматывая её на свою покалеченную клешню.

– Наплюй. Дальше по берегу ещё кто-нибудь живёт?

– Это... Только Пётр-охотник с братьями, километрах в десяти, перед излучиной. Не пропустишь. У них там видный двор, – добавил он, заговорщически прищурившись.

– Могли они друга моего приютить?

– А почему бы и не могли? Запросто, – осклабился бородач, демонстрируя неровные ряды гнилых зубов.

– Хм... Что ж, пойду, попрошаю за товарища своего пропащего. Бывай.

– Ага. Сам не сгинь, падла, – прошептал «радушный» хозяин, пребывая в полной уверенности, что эти слова остались неслышанными.

Только я спустился с крыльца, как дорогу мне преградил вылетевший следом Красавчик и, глухо рыча, уставился полными возмущения глазами.

– Что тебе? Бобра мало? Ладно, давай, только быстрее.

На ночь остановились в лесу. Не люблю спать в чужих домах. Особенно если подпол забит человечинной, а ляжки хозяина перевариваются моим питомцем. Кто знает, какие друзья-товарищи могут заглянуть на огонёк. Был у меня как-то заказ на одного ростовщика из Коврова. Так, подработка мелкая. Никаких видимых сложностей. Ветхий старикан держал ломбард в тихом переулке, куда каждый божий день ходил из своего дома в полусотне метров оттуда. Ни охраны, ни «крыши». Удивительно, как его до сих пор беда стороной обходила. Замочек, правда, на двери хитрый, ногтём не вскрыешь. Ну, раз уж есть заказ, почему бы не испытать от столь сладко журчащего золотого ручейка, после безвременной кончины его хозяина. Так я рассудил и, отдохнув пару дней, наблюдая за трудовой деятельностью своего подопечного, следующим утром вошёл на его плечах в тот ломбардик. Старикан оказался сговорчивым, тут же передал мне на сохранение ружьишко из-под прилавка и открыл сейф. Не бог весть что, но приятно – сотка серебром, три червонца и коробка с залоговыми цацками, среди которых здоровенная такая золотая челюсть. Вот, значит, сижу я вместе с ростовщиком под стойкой, прикидываю невольно, какого же размера должен быть едальник под такую хлебoreзку, и тут входная дверь открывается. Ах, мать твою за ногу! Почему не запер?! Но сожалеть уже поздно. Почти над самой головой слышу трубное с лёгкой шепелявостью: «Яков. Ты где? Ну? Я долг принёс. Давай зубы!» И в решётку херак! Та аж заскрипела. Пихаю старика локтём и челюсть в руки сую, мол, верни клиенту, чтоб отъебался подобра-поздорову. Яков – паскуда – глядит на меня молча и скалится. Ну-ка, дескать, разрули теперь. А хер этот беззубый и не думает уходить, молотит в решётку, орёт: «Гони зубы! Эй! Подох, что ли, наконец, жидяра пархатая?!» Что делать? Вынимаю «АПБ», поднимаюсь и, не представившись, стреляю быку в голову. Но пуля – никогда не доверял этим скользким тварям – рикошетит от решётки и застревает в бычьей шее. Ещё три в грудь – без видимого эффекта, если не считать смену эмоционального состояния моего визави с раздражительного на дико бешеное. Очумевшее от ярости животное, не обращая внимания на очередные три пули, засевшие в плече и объёмистом брюхе, одним рывком выдирает решётку и бросается на меня. Больше двух метров ростом, под сто шестьдесят кило весом. «АПБ» летит в сторону. Нож! Бью в левый бок. Лезвие вязнет в сале, даже не коснувшись рёбер. Огромные лапищи хватают мою шею. В глазах резко темнеет. Режу по связкам. Захват чуть ослабевает. Бок, бок, шея! Кабан хрипит, истекает кровью, но продолжает идти к успеху – он уже сломал мне нос и пытается воткнуть свой палец в мою левую глазницу. Бью в подмышку и – слава провидению – цепляю нерв. Кабан визжит и корчится от боли. Голова наконец открыта. Клинок пробивает височную кость и скрывается в черепе по самую гарду. Всё. Лежу на полу под мёртвой тушей, и тут мне в лоб упирается ствол ружья. Пожалуй,

так близко к смерти я ещё не бывал. Спасла случайность – то ли порох отсырел, то ли недокол капсуля. Второго шанса Якову не представилось. Но кто бы мог подумать, что ерундовое дело так обернётся. С тех пор я всегда руководствуюсь принципом – параноя лучше геморроя...

...Утром, перекусив экспроприированной у бородача вяленой плотвой, я продолжил путь. Красавчик к еде даже не притронулся. Объёмистое брюхо указывало на то, что в ближайшие сутки мой четвероногий спутник не проголодается. Поразительный объём желудка. Не жрамший два-три дня Красавчик, дорвавшись до харчей, мог набить пузо так, что оно едва не волочилось по земле. Думаю, если бы какой-нибудь барсук смог протиснуться через глотку Красавчика, то поместился бы в его желудке целиком, как жаба в уже. Отвратительно, но практично, как, впрочем, и всё остальное в этом создании. Человечеству, без сомнения, повезло, что подобные мутации не носят массового характера. Иначе дни людей на Земле были бы сочтены.

В одной нудной книжке, пестрящей заумными словами, я как-то прочёл интересную мысль о том, что старик Дарвин, возможно, ошибся со своей теорией и твари, населяющие наш летающий вокруг Солнца комочек грязи, эволюционируют вовсе не за счёт естественного отбора. Автор утверждал, что главную роль в эволюционном процессе играют случайные мутации. Конечно, они должны быть полезными. В противном случае господин естественный отбор быстро утилизирует нежизнеспособного выродка. Но всё же, чтобы стать лучше, тварь не должна прогрессировать от поколения к поколению, совершенствуясь в охоте и маскировке. Достаточно случайности. Удачной комбинации геномов. Или как там эта хрень зовётся? Везунчик благодаря своим конкурентным преимуществам будет трахать больше самок и распространять своё благотворное влияние на популяцию. А потом произойдёт ещё один качественный скачок. И так до полного достижения совершенства. Мне нравится эта теория. С ней я чувствую себя венцом эволюции. А это, как ни крути, приятно. С другой стороны, все эти динозавры, звероящеры и прочие существовали на Земле в неизменном виде миллионами лет. Миллионами! Не было предпосылок для мутаций? Ну да, ядерных войн в те времена не вели вроде как. Радиационный фон был ниже? Возможно. Но только ли в радиации дело? Миллионы лет природа не создавала ничего подобного, и тут – хуяк! – на Москву падает десяток-другой мегатонн, и природа срочно берётся за дело? С чего бы? Оружейный плутоний не такая уж волшебная херня, чтобы создавать мутантов, прародителей которых с первого взгляда не особо и определишь. Когда в восемьдесят шестом прошлого века пиздануло на Чернобыльской АЭС, дела с радиацией обстояли куда серьезнее. Это вам не чистенькая боеголовка, после которой через две недели будет лишь чуток потрескивать. А каков эффект для эволюции? Люди из зоны отчуждения стали сверхсущества? Приобрели телепатические способности? Отраслили по клёвой паре крыльев? Да хуй там! Они умирали от рака и рожали нежизнеспособных уродов. А самый значимый «эволюционный скачок» можно записать на счёт чернобыльских червей, которые слегка подросли и – о боже! – предпочли бесполому способу размножения здоровую и всеми любимую еблю, что, впрочем, и так было предусмотрено их генами. Ну и где же созидательная сила атома? Нет, создания вроде Красавчика – не плоды случайных мутаций. Слишком уж они радикальны. Здесь что-то другое, совсем другое.

Глава 5

«Пётр-охотник с братьями», счастливо проживающие на своём «видном дворе»... Моя светлая, почти детская фантазия рисовала пасторальные картины с богатыми избами, аппетитно дымящей коптильней, крепкими сибирскими мужиками – косая сажень в плечах, сисястыми бабами в сарафанах и ребятишками, весело носящимися по двору за жирными курами... Обо всём этом любитель солонины из поповых отпрысков забыл упомянуть... Чудно. Должно быть, я всё же хороший человек, раз нарисовал себе такую сахарную поебень, основываясь на крупицах ни о чём не говорящей информации. Как тут ни крути, а тянется, тянется душа к прекрасному, тоскует по вечным ценностям.

– Тш-ш, – шикнул я на не в меру громко заурчавшего перевариваемым бородачом Красавчика. – Поднимешь шухер – придётся убивать... даром.

Помутневшая от времени оптика старого армейского бинокля приблизила отнюдь не лубочные картины быта сибирских охотников. Грязный, обнесённый частоколом посёлок из четырёх изб и шести барачков расположился на высоком берегу Камы с большим причалом и двумя внушительными подъёмными кранами. Внутренний двор, если можно его так назвать, представлял собой унавоженное скотом грязевое болото. В стойлах фыркали тощие лошади. Двое мужиков в засаленных куртках и с двустволками за спиной стягивали с распряжённой телеги босого человека, наполовину скрытого от глаз мешком, в который он был запрытан и обмотан верёвкой. Человека ли?

Я присмотрелся к отчаянно дрыгающимся связанным ногам. Ах ты ж срань! Либо у несчастного адский артрит, либо он мутант. Да и педикюр гражданину не повредил бы. Такими когтями, неосторожно взбрыкнув, можно прохожему кишки выпустить.

– Охотники, значит...

Грязнули тем временем сволокли неведомую зверушку с телеги и потащили к одному из барачков, при ближайшем рассмотрении оказавшемуся двумя рядами клеток под общей крышей.

– Ты бывал в зверинце?

Мой четвероногий компаньон удивлённо приподнял морду и фыркнул.

– Нет? Тогда пойдем, взглянем, пока это сраное шапито не свернулось.

Мы тихонько спустились с холма, но едва приблизились к частоколу, не дойдя метров семидесяти, как загромок Красавчика ошетинился, а верхняя губа поползла вверх.

– Что встал? Брось, ты же один из них.

Не обращая на меня внимания, Красавчик потянул носом и попятился.

Если бы у моего неизученного наукой напарника был хвост, уверен, он оказался бы плотно прижатым к яйцам. А Красавчика мало что могло напугать. Не считая последствий психотропной атаки в Москве да недавнего демарша на плотине, проявлений трусости я за ним не замечал.

В начале зимы, когда зверёныш был габаритами едва ли вполовину от нынешних, мы по колено в снегу пробирались через нижегородские леса. Места это поганые. Ещё во времена беспечного детства мы с пацанами под шмаль и самогон пересказывали, сидя в коллаторе, байки о здешних вепрях, вспарывающих человека снизу доверху одним ударом, и об огромных волколаках, вырезающих за ночь обоз, не выдавая себя даже шорохом. Ходили слухи о тварях и пострашнее. Но о том, что встретилось нам в то морозное декабрьское утро, я ни от кого прежде не слышал. Можно ли не заметить с двадцати метров в зимнем лесу существо раза в полтора крупнее матёрого лося? Оказалось, можно. Думаю, я подошёл бы и ближе, не учуй Красавчик подвоха. Поначалу я решил, что перед нами попросту коряга, припорошенная снегом. Под такими любят устроить берлогу медведи. И то, что Красавчик забеспоко-

ился, меня ничуть не удивило. В подсумке лежало с десятков двенадцатых «магнумов», снаряжённых точёными стальными болванками, а наши запасы провизии приближались к исходу. Я охочусь на двуногую дичь, её выследить и добыть умею, а что до прочей живности... Никогда не питал тяги к убийству тварей божьих. Но уж растормошить заспанного медведя и пустить ему пулю в сердце сможет даже такой профан. А голодный профан – тем более. Я уже схватил подходящий дрын, когда Красавчик встал между мною и «корягой». Лохматый заморыш, чуть побольше средней собаки, прекрасно осознавая в отличие от меня, что перед ним находится, приготовился дать бой. И тут «коряга», видимо, поняв, что сюрприза не выйдет, ожила. Снег посыпался с твари, открывая грубую безволосую шкуру. Четыре длинных узловатых ноги пришли в движение, поднимая и разворачивая кряжистое туловище с низко расположенной, напоминающей огромный лошадиный череп головой. В провалах глазниц блеснуло отразившееся солнце. Чудовище опустило голову к самой земле, выдохнуло облако пара и, оскалив внушающие уважение клыки, попятилось. Похоже, это был его первый вдох-выдох за те несколько минут, что мы находились рядом. Будучи обнаруженным, мимикрирующий засадный хищник предпочёл убраться. Я не стал возражать. Только потрепал Красавчика по загривку, глядя, как жуткое существо, переставляя ноги-коряги, уходит в чащу. Если бы не этот зубастый, подбренный мною в Москве комок шерсти, кто знает, возможно, мои ошмётки, разбросанные по близлежащим кустам, до сих пор служили бы источником пропитания для синиц и ворон, а в обглоданных, обсосанных костях по весне нашли бы кров мелкие лесные твари.

И вот теперь матёрая зверюга, которая, будучи щенком, не позволила мне столь близко приобщиться к природе, даёт задний ход, едва не скуля от страха.

– Да что с тобой?

Ответом мне стал кошмарный, вгоняющий в оцепенение рёв. Он был настолько громким, что казалось, источник его находится не дальше десятка метров, даже при моём слухе. И я знал, что это за источник. Медведь. Но – чёрт меня дери! – какого же размера должен быть зверь, чтобы производить на свет божий такие звуки?!

– Дьявол! Хочу на это посмотреть. Держись за мной, ссыкло.

Я в сопровождении боязливо семенящего позади Красавчика приблизился к частоколу со стороны слепой зоны моего предыдущего наблюдательного пункта и, найдя прореху, прильнул к ней глазом. Но и отсюда главная сцена оказалась невидна. Хотя местная примадонна стала гораздо ближе. Тяжёлая звериная вонь шибала так, что чувствовалась даже не носом, а языком. Красавчик от такой близости совсем приуныл и, уже не смущаясь собственной слабости, трясся всем сжавшимся в комок существом. Казалось, он стал в два раза меньше, открыв в себе доселе неизведанный талант перевоплощения. Ещё немного усилий, и шестидесятикилограммовая тварь вполне сошла бы за напуганного барсука, готового броситься наутёк в любую секунду. Наверняка он так бы и сделал, если б не наша недавняя воспитательная беседа.

Не имея возможности насладиться созерцанием звезды здешних подмостков, я стал слушать.

– А ну заткнись! – выхватил потрясённый очередным рёвом слух из тревожного гомона обитателей местного зверинца. – Назад, скотина!

– Легче! Шкуру попортишь.

– Насрать. Пушной зверёк, бля. Заткнись, сказал! Эй! Какого хуя?!

– Дай сюда. Дуров не заплатит сполна, если зверь будет выглядеть больным.

Судя по интонациям, дрессировщик-самоучка только что получил пиздюлей и лишился дрына, которым самозабвенно тыкал несчастное животное.

– У меня башка скоро лопнет от его рёва!

– Он голодный.

– Да он всегда голодный! Уже полкоровы сожрал!

- Так дай ещё.
- А сколько Дуров обещал забашлять? Эта тварь нас по миру пустит с таким аппетитом!
- Не твоего ума дело! – сорвался на крик защитник животных. – Накорми! И не смей больше мне перечить, щенок! – Раздался звук смачной затрешины. – Ты меня понял?!
- Да, пап.
- То-то же.
- Э-э... А с этим что решил? Оставь, а? Мы бы с Ганькой на нём Бурана натаскали.
- От вашего Бурана, окромя говна по углам, никакого толку.
- Так будет толк! Обязательно будет!
- Я и так у вас на поводу пошёл, его не сбавив. Теперь ещё и добро переводить? Нет уж. Дурову люди для боёв нужны. А этот, по снаряге видать, калач тёртый. Продам, авось по дороге не сдохнет.
- Ну, пап!
- Я всё сказал. И займись уже делом наконец! Игнат! Игнат!!! Где тебя черти носят?!
- Тут я.
- Баржа вот-вот будет! Почему клетки не на причале?!
- Так ведь это... близнецы только вернулись. Мне что ж, с бабами клетки-то тягать?
- Вернулись – пусть впрягаются!
- Дай пожрать хоть! – донеслось из ближней избы. – Замордовал, бля, хуже старика!
- Не поминай при мне эту гниду! Бардак, кругом бардак и дегенераты...

Это точно. Надо же, насколько близки могут быть мысли двух совершенно разных людей. Признаться, я проникся симпатией к главе здешнего семейства. Или как тут у них называется? На секунду я даже задумался о возможности договориться, выкупить «таинственного» пленника. Однако учитывая, что нуждающийся в медицинской помощи, да и просто в элементарном человеческом сочувствии бедняжка Ткач вместо этого поимел перспективу стать мясом для неведомой зверушки местной детворы, либо тем же мясом, но для зверушек некоего Дурова, зародившаяся в моей голове мысль о цивилизованном диалоге дольше секунды не прожила, замещённая новой.

– Ну, дружище, – повернулся я к глядящему из-под еловых лап Красавчику, – догадываешься, о чём я размышляю?

Мой четвероногий напарник жалобно пискнул и полностью скрылся за хвоей.

– О да-а. Ты угадал.

Я прокрался к воротам со стороны пристани, те оказались не заперты. Люблю простых деревенских тружеников – открытые, гостеприимные, ни мнительности, ни паранойи. Люди от сохи, душа нараспашку. Жаль, что их осталось совсем мало. А скоро станет ещё меньше...

Ряды клеток вдоль частокола были заполнены от силы на треть, но экспонатам, в них содержащимся, позавидовал бы зверинец любого уважающего себя города. Чего стоила одна только сука, кило под восемьдесят, похожая на миниатюрного быка с пастью от уха до уха – Красавчик бы оценил, будь он посмелее, – не говоря уже о недавно доставленной гуманоидной твари, покрытой словно выдубленной шкурой, хранящей на себе множество отметин от клыков, пуль и даже, как мне показалось, частично обросший плотью обломок клинка в высоком заливке. Прочие обитатели живого уголка тоже не отличались миловидностью и пристрастием к растительной пище, на что указывало обилие обглоданных костей в клетках. Держать таких в доме я бы не посоветовал. А вот на арене им самое место.

О, арены! Я их обожаю! Дикие утехы дикой толпы? Жестокость ради жестокости? Да. Для чопорных обывателей Муромы, Коврова, Сергача и тому подобных «прибежищ человечности». Для того же, кто не кривит рожу, дабы прослыть гуманистом, арена – сама жизнь в миниатюре, её эссенция. Тот путь, что обычно занимает годы, здесь проходится за минуту, а то и быстрее. Придя без гроша на арену, будучи везунчиком, можно уйти богачом. Ну а неудач-

ник рискует пойти зверью на корм. Лотерея? Ни в коем случае. Удача – лишь один из необходимых ингредиентов в рецепте счастья. Без должной ловкости, силы и смекалки удачей станет не победа, а быстрая безболезненная смерть. Зверь против человека. Неукротимая мощь против хитрости. Клыки и когти против кинжала в твёрдой руке. Вот что заводит толпу! Заставляет последнего скупердяя с готовностью отдавать золото в обмен на букмекерские купоны. Ставки, ставки, ставки! И здесь уже не важно, мутант ты или лац, то есть венец творения или грязное животное. Толпа любит победителей. А проигравших... Да кому нахуй нужны эти драные куски мяса?!

Звук корабельного гудка застал меня на подходе ко второму ряду клеток. Выскочивший на крыльцо дородный мужик в выдавшем виды костюме-тройке при заправленных в сапоги брюках поскользнулся и едва не нырнул вниз.

– Бля! – с трудом сохранил он равновесие, после чего оправил свой парадный наряд и зашагал к воротам, на ходу отдавая приказы: – Кто-нибудь, в конце концов, оторвёт жопу от деревяшки?! Второго, третьего, седьмого и девятого на пристань! Живее!

– Подождёт твой Дуров, не состарится, – донеслось из открытого окна, откуда сквозь тяжёлую звериную вонь потянуло щами.

– Живо работать, я сказал!!!

– Да ёб твою мать! – В избе заскрипели отодвигаемые от стола табуретки.

Я, прибавив прыти, шмыгнул за угол и столкнулся с девчушкой лет десяти, которая от неожиданности уронила бадью, но крикнуть не успела. Моя ладонь плотно зажала ей нос и рот. Немного брыканий, и милое создание отправилось в страну грёз. Не вечных. Всего лишь лёгкое отравление углекислым газом. Хотя вряд ли она успеет очнуться до начала представления. Пожалуй, гуманнее было бы всадить ей нож в сердце, но... она же ребёнок. Ёбаная мораль. Это дерьмо сидит в мозгу, как клещ. Вроде вырвал, но чёртовы челюсти остались и распространяют заразу. Нельзя переболеть моралью и полностью излечиться. Метастазы будут мучить всю жизнь. Так что извини, милочка. Тебя сожрут живьём. Ведь дядя Кол не детоубийца.

– Твою мать! – приглушённо донеслось из ближайшей клетки, когда я, уложив обмякшее тело в грязь, двинулся дальше.

А может, девчужке и повезёт.

– Здорово, дружище, – присел я напротив озадаченно глядящего через прутья Ткача.

Эка жизнь-то его потрепала. От бывшего лоска и следа нет. Щетиной зарос, под глазами круги чёрные, лоб в испарине горячечной, губы потрескались, мудак уделанный весь – чисто нищесброд.

– Ну, – улыбнулся я самой доброй улыбкой, – оно при тебе?

– А, – спохватился Ткач после недолгой паузы, – само собой. – После чего встал, отошёл в дальний угол и вернулся, неся что-то в руках.

– Очень мило, – рассмотрел я выложенное мне под нос собачье дерьмо с соломой. – Жаль, у меня нет времени на гомерический хохот.

– Зато у меня его сколько угодно. Можно начинать?

– Тш-ш! – поднёс я указательный палец к губам, взяв юмориста на прицел. – Не глупи.

Я – твоя последняя надежда. Или хочешь стать звездой арены?

– До твоего появления как раз занимался выбором звучного псевдонима.

– Просто скажи, где оно, и я тебя освобожу. Слово чести.

– Че...? Чего?

– Ну, ты знаешь... Вернее, слышал же от кого-нибудь. Такая штука... Короче, не трать моё время. Говори, где эта хуета, что ты спёр из бомбоубежища, и расстанемся друзьями.

– А знаешь, Кол... – Глаза Ткача презрительно сузились.

– Я слушаю.

– Помогите!!!

– Блядь! – Палец на спусковом крючке побелел, движимый жадой праведной мести, но памятующий о деле мозг отвёл руку с пистолетом в сторону и пустил ноги вскачь.

Вот уёбок! Подлая вероломная мразь! Мудило! – Я бежал между клетками, извлекая из недр памяти всё новые и новые эпитеты для Алексея – горисукаваду – Ткачёва, слыша за спиной суматошные окрики, пока не встретился нос к носу с главной звездой моей едва не переписанной пьесы.

Подожвы заскользили по грязи на повороте, и я чуть было не поцеловал просунутую сквозь толстенные прутья чёрную, блестящую влагой мочку. Разинувшаяся пасть с отвислой губой и громадными жёлтыми клыками изрыгнула мне в лицо, как показалось, не меньше литра слюней, приправленных редкостным зловонием и децибелами ярости, а тяжеленная лапа, с явным намерением разорвать меня надвое, сотрясла клетку страшным ударом.

– Ох ёпт!!! Тише, приятель, тише.

Я оглянулся и, не обнаружив преследования, сменил «АПБ» на «Ремингтон», заряженный «магнумом» с подкалиберными стальными болванками.

Глядя на направленный в замок ствол ружья, медведь сделал шаг назад, словно догадался о моих намерениях. Великолепное животное. Не меньше тонны весом, под два метра в холке. Никогда раньше не видел настолько огромных. Нужно отдать должное, эта семейка знала толк в охотничьем ремесле, раз сумела живьём взять такого монстра. Шатун. Весна только-только вступила в свои права, а он уже нагулял жира. Бурая мягкая шерсть лоснится, переливаясь волнами на могучих плечах. Здоровенная, как хороший бочонок, башка опущена к земле, маленькие круглые уши едва видны над покрывающим её густым мехом. Желтовато-карие глаза смотрят исподлобья. Уже без злости, но с подозрением: «Что надо этому двуногому? Не убивает. Значит, ждёт от меня чего-то». Да, он хорошо знает двуногих. Он – людоед.

Я в последний раз огляделся, выбирая путь отхода, и нажал спуск. Точёная пуля пробила замок навывлет, вынеся вон его железные потроха. Что происходило дальше, я уже не видел. Нёсся по скользкой грязи промеж клеток, стараясь вовремя убирать пальцы от щёлкающих по сторонам зубов и лязгающих о прутья когтей. И только слух сообщал мне о происходящем за спиной. А там уже началось представление. Дверь клетки с грохотом раскрылась. Громоподобный рёв отозвался воплями ужаса, хрустом костей и треском раздираемой плоти. Зверинец сошёл с ума, почуяв человеческую кровь. Клетки заходили ходуном, десятки глоток заорали на все лады. Среди этого безумного гомона даже выстрелы звучали не столь громко. Совсем рядом прошлёпали по грязи две пары ног, грохнул дуплет, и стрелки, матерясь на чём свет стоит, повернули обратно, преследуемые тяжёлой поступью. Затрещало дерево, заскрипело корёжимое неистовой силой железо.

– Валите его!!! – орал кто-то, срываясь на визг, у ворот. – Разнесёт всё к хуям!!!

Грохот ружейных выстрелов потонул в леденящем кровь рёве.

– Бля!!! Стреляй! Стреляй!!!

В стену ближней ко мне избы ударились тело. Ударилось так, будто это был не рослый мужик под сто кило весом, а кошка, которую ухватили за хвост и швырнули, предварительно как следует раскрутив. Оно с хрустом втемяшилось спиной в бревно и, зависнув на мгновение, рухнуло бесформенной грудой окровавленного тряпья. Из окон жажнул залп. Медведь взвыл и бросился за угол. А я метнулся к крыльцу, надеясь застать обороняющихся врасплох и, если повезёт, отыскать пожитки Ткача. Но не тут-то было. Врасплох оказался захвачен я сам и – вот уж от кого не ожидал такой подлости – не кем-нибудь, а братом-мутантом, за свободу которого так отчаянно боролся в тот самый момент. Горбатая колченогая тварина с «дублёной» шкурой, откуда ни возьмись, появилась на крыше амбара и, в один прыжок махнув не меньше пяти метров, преградила мне путь.

– А ну свали, – поднял я ружьё. – Не до тебя.

Но неблагодарная скотина только пригнулась к земле и сместилась левее, явно улучая момент для атаки. Воспитания ей, конечно, недоставало, да и с этическими нормами наблюдались проблемы, однако в реакции было никак не отказать. Едва спусковой крючок выбрал ход, тварь метнулась вправо, да так резко, будто и не двигалась только что в противоположном направлении. Вместо фонтана крови из пробитого мяса пуля извлекла лишь струю грязи из продырявленной земли. В тот же миг тварь бросилась на меня. Накативший раж погрузил мир в вязкую патоку. Дымящаяся гильза вылетела из окна ствольной коробки, когда между мной и находящейся в прыжке тварью оставалось не больше двух метров. Цевьё пошло вперёд, увлекая за собой затвор, толкающий в патронник новый «магnum» со смертоносной цельно-стальной пулей. Но тварь была быстрее. Она сама казалась выпущенным из пушки снарядом. Закраина гильзы ещё не коснулась патронника, а чёрные когти уже дотянулись до меня, оскаленная пасть раскрылась, готовая сомкнуться в следующий миг на моём горле. И тут тварь швырнуло в сторону, будто ударом молота. Явно не ожидая такого поворота, она ухнулась о землю в облаке чёрных брызг и, едва вскочив на ноги, снова завалилась, не удержав на себе вцепившегося в мясистый загривок Красавчика. Я прицелился и нажал спуск. Перед самым выстрелом лежащая на боку тварь повернула голову и заглянула мне в глаза, а потом пуля начисто снесла ей черепную коробку вместе с тем немногим, что было внутри.

– Молодец, – похвалил я Красавчика, разжавшего наконец челюсти. – И сам бы справился, но всё равно...

Дьявол! Как же тяжело это говорить. Одно простое слово, а язык костенеет. «Спасибо» – уже и не помню, когда в последний раз произносил такое. Да и с чего бы? Те блага, что мне выпадали, я получал в виде платы за работу, в качестве товара или трофеев. За это благодарить не стоит. А вот бескорыстная помощь... Не знаю, у кого как, но у меня в мозгу эти понятия плохо стыкуются. Людьюми движет корысть. Так было и будет. Даже условно благородные поступки совершаются в корыстных целях. Вот герой спасает ребёнка из горящего дома. Бескорыстно? Да, на первый взгляд. Но стоит присмотреться повнимательнее, и что же мы видим? Наш насквозь моральный герой стоит перед горящим домом, смотрит на вопящего из окна милого, но чужого карапуза и решает непростую дилемму: «Рискнуть жизнью и броситься на помощь или пройти мимо и мучаться потом угрызениями совести?» Думает ли герой в тот момент, кем вырастет этот несчастный малыш, какую пользу сможет принести обществу? Нет. Он думает: «Как Я буду жить дальше, если пройду мимо? Смогу ли простить СЕБЯ?» Так что же получается? А получается, что наш герой и не герой вовсе, а махровый эгоист, движет которым всё та же корысть, хоть и взращённая на морали.

– ...э-э... за мной.

Я выплянул из-за угла во двор и остался доволен – хозяин тайги отыграл свою роль на совесть, перед тем как покинуть сцену. Трудно подсчитать, сколько трупов он после себя оставил – слишком уж сильно некоторые фрагментированы, – но никак не меньше пяти. Практичный зверь успел даже перекусить по ходу представления, хорошенько объев местного конферансье. Тот, судя по размотанным на весь двор кишкам, ещё пожил некоторое время, лишившись жира на брюхе и боках. Постояльцы клеток тоже не остались сторонними наблюдателями – кого приобщила к процессу шальная пуля, кого тяжёлая лапа, ну а кто-то сумел улучшить момент и выбраться из застенков невредимым.

– Не время расслабляться, – обратил я внимание на пустую клетку, в которой проживала отмеченная мной ранее собака-бык.

Но не только это меня насторожило. С реки доносился рокот мотора, а в избах... в избах стояла мертвенная тишина. Где же стрелки, отогнавшие медведя ружейными залпами? Почему затаились? Что-то здесь не так...

– Красавчик, – кивнул я на дверь, а сам, стараясь не шуметь, взобрался на высокую зава-лилку под окном, – давай.

Но и на стук никто не ответил.

Я приподнялся и заглянул в окно – чисто. Встал в полный рост – ах ты ж бя! На полу в лужах крови две бабы и пацанёнок лет пятнадцати. Возле баб по ружью, а приклад третьего торчит из чулана. Вокруг следы рифлёных подошв. Хорошо знакомые следы.

– К причалу! Перехвати его!

Красавчик бросился из ворот вниз по берегу, а я вдогонку. Но поздно. На отчалившей барже застучала автоматная очередь, несколько пистолетных выстрелов, снова автомат, и всё стихло. Неуклюжая ржавая махина порожняком разворачивалась восвояси. Впрочем, одного зверя она всё же приняла на борт.

– Блядь!!! – саданул я в сердцах кулаком о землю, но ничего, кроме грязи, брызнувшей в глаза, мне это не принесло. – Как?! В руках же был! Вот! Вот тут прямо! Ка-а-ак?!

Красавчик сидел, склонив набок голову, и с интересом наблюдал за моим полным экспрессии монологом.

– Всё, – поднялся я, скрипя зубами, и пошёл обратно, к посёлку, – в пизду дипломатию, нахуй переговоры. Заебал, сука. Красавчик, ищи живых.

Забегав в центральный дом, мой бескорыстный товарищ покружил по сеням и, остановившись в углу, принялся скрести половик. Я отодвинул тот в сторону и, осмотрев крышку на предмет сюрпризов, открыл подпол.

– Через три секунды после того, как я закончу говорить, вниз полетит граната, так что настоятельно рекомендую вылезать с поднятыми руками.

Внизу зашебурились.

– Не надо, – раздался из дыры в полу девичий голосок, – мы выходим.

Первой вылезла дрожащая, словно осиновый лист, девчушка лет восьми, несущая на одной руке замотанного в тряпки младенца, а вторую – держа поднятой. Следом, шмыгая носами и старательно задрав ручонки над головой, выползла целая гурьба детворы, ещё младше своей предводительницы, и построилась в рядок, боязливо зыря то на меня, то на Красавчика.

– Дьявол, – смерил я взглядом потенциальные источники информации. – Это всё?

– Угу, – кивнула старшая.

– Так, – открыл я дверь в избу, чем ожидаемо вызвал плач и распускание соплей у тех, что успели обзавестись мозгами. – Да, очень печально. А теперь заткнулись и слушаем меня. Это сделал дядька, которого посадили в клетку ваши ныне почившие предки. Сделал и сбежал. Уплыл на барже, пришедшей, чтобы забрать зверей. Ясно? Я на этого дядьку очень зол и очень хочу сделать ему больно. Но прежде мне нужно его найти. А для этого я должен узнать, откуда пришла баржа. Кто-нибудь из вас, сопляков, может дать внятный ответ?

– Бе... Березники, – поборол старшая очередной всхлип.

– Как добраться туда знаешь?

– Ездила с отцом.

– Дорогу помнишь?

– Угу.

– Славная девочка. Передавай дела, ты идёшь со мной.

Глава 6

Пока я впрягал лошадей, девушка – даром что малая – бойко и чётко раздавала поручения остальной детворе, поспевая между делом успокаивать ревущих шкетов и собирать вещи в дорогу. Закончив с наставлениями, она вышла на крыльцо, оглядела заваленный трупами двор и пошла к телеге, стараясь не наступать в кровавые лужи.

– Давай подсажу, – протянул я к девушке руки, но та решительно отстранилась.

– Сама могу. – Она кинула узелок на телегу и, ловко взобравшись, схватила вожжи. – Но, пошла!

Ух ты. Я-то думал, отпрыски нормальных людишек к восьми годкам только-только переходят на твёрдую пищу и отучаются гадить под себя.

– Как звать?

– Меня?

– Нет, кобылу.

– Звёздочка.

Бля, до чего ж трудно с детьми. Неужели и я был таким же?

– Отлично. Ну а ты кто такая?

– Оля... Ольга, – поправилась она. – Селеванова.

– Далеко эти Березники, Ольга Селеванова?

– Два дня пути.

– А на барже?

– Часов восемь, если без остановок.

– Херово. Как Ткач очутился у вас?

– Кто? – подняла она на меня голубые глазёнки.

– Тот мужик, что в клетке сидел, а потом бойню в доме твоём устроил.

– Его дядя Андрей привёл. Говорил, что на берегу валялся чуть живой.

– Вещи при нём были?

– Вещей много было. Автомат хороший, патроны, полный рюкзак добра всякого.

– А что-нибудь необычное? Ну, такое, чего ты не видала ни разу.

Ольга задумалась.

– Пистолет у него чудной был. Навроде пээма, только ствол толстый-претолстый.

– Нет, не то. Вспоминай.

– М-м... Больше ничего не припомню. Но я же мельком видела. А что ты ищешь?

– Кабы знать...

Тем временем телега, под чутким руководством Ольги, выехала к берегу и остановилась против большого дощатого плота на жестяных буюх.

– Нужно вон ту штуку запустить, – указала она на небольшой, покрытый брезентом предмет с правого борта.

Я взял лошадей под уздцы, завёл на плот и откинул полог. Под ним оказался дизель с лебёдкой, что меня немало обрадовало, развеяв опасения насчёт нецелевого применения моей мускульной силы. С третьей попытки дизелёк запустился, чихнул и, чадя, принялся наматывать стальной трос на катушку. Когда тот поднялся над водой, плот отчалил и неспешно двинулся к противоположному берегу.

– Расслабься, – посоветовал я сжавшейся в комок Ольге, за спиной у которой улёгся Красавчик. – Он сыт.

– Это ведь не один из наших? – спросила она, чуть дыша.

– Нет, не из ваших. Звать Красавчиком.

– Ручной?!

– Ну, я бы так не сказал. Гладить и кормить с руки не рекомендую.

Красавчик, смекнув, что стал объектом обсуждения, поднял голову и недовольно засопел.

– А можно... – Ольга сглотнула и продолжила дрожащим голосом: – Можно он ляжет подальше от меня?

– Без проблем. Красавчик, дружище, будь добр, сдрисни под телегу. Дама смущается твоей близости.

Но гордое животное лишь надменно повело мордой и отвернулось.

– Э-э... Ничего не выйдет. У него, похоже, другие планы.

– Тогда я отойду, – сделала Ольга попытку отползти в сторону.

– Это лишнее. Красавчик может обидеться. К тому же он не любит пустых мельтешений, как, впрочем, и я.

Девчушка снова сглотнула подступивший к горлу ком и обречённо замерла на месте, готовясь вот-вот быть порванной в куски. По чумазым щекам, прокладывая новые борозды, покатались слёзы.

Ненавижу плачущих детей. Они трясутся, корчат жуткие гримасы и издают слишком много шума. Это отвратительно.

– Слушай, – легонько пихнул я Олю в плечо, – завязывай, кругом и так полно воды. Я взял тебя провожатым, а не на корм Красавчику. Значит, так и будет. Нравится тебе или нет, он останется рядом. Но ты можешь на него просто забить.

– Забить? – повторила она, всхлипнув.

– Ну да. Забить. Насрать, плюнуть и растереть, положить болт...

– Болт?

– Господи... Тебе старшие не объясняли такие простые вещи?

– Нет. А теперь... теперь я – старшая. – Ольга последний раз всхлипнула и решительно утёрла рукавом сопливый нос, совладав с эмоциями. – Кто он такой?

– М-м?

– Тот, который убил мою маму и брата.

– А, так это были... Его зовут – Ткач. Алексей Ткачёв в девичестве. Наёмник.

– Почему ты идёшь за ним? Он и твою маму убил?

– Нет, вряд ли.

– Что-то украл у тебя?

– Это уже ближе к истине.

– Он не похож на местного. Издалека пришёл?

– Да, протопали мы с ним немало. От самой... Издалека, в общем.

– И как там, вдалеке?

– Что, дальше Березников не бывала?

– Нет. Отец говорил – дальше только лес, полный чудищ. Во все стороны лес. А там, где леса нет, мёртвые города, в которые лучше вовсе не соваться. Но сам-то в Пермь ходил, – добавила она слегка обиженно. – Правда это?

– В основном – правда.

– А ты откуда тогда взялся, если не с Березников? И Ткач этот?

– Я же сказал: «в основном». Есть, конечно, ещё города, но их мало, и становится всё меньше.

– Почему?

– Делать там нехер, вот люди и уходят.

– А куда уходят?

– Туда, где лучше. В другие города, более успешные. Селятся вокруг, надеются откусить от большого пирога. Только мало кому удаётся. Так и гниют в своих трущобах. Батрачат, воруют, собой торгуют, детьми... Короче, выживают, кто как сумел.

– А ты? Ты родом из такого города? А как он называется? Много там народу? А метро есть? А...

– Стоп, – предостерегающе поднял я указательный палец. – Не слишком много вопросов в первый день знакомства?

Оля со вздохом пожала плечами.

– Арзамас. Это мой город.

– Не слыхала.

– И хорошо.

– Почему?

– Как тебе сказать... Население тамошнее придерживается несколько иного мировоззрения, чем твоя семья. Сложно было бы вам найти с местными общий язык. Таких там называют лацами. Нормальными то бишь. И, мягко говоря, не жалуют. А учитывая род занятий, ваша семейка закончила бы... – Я живо представил, как «гостеприимные» жители моего родного города окружают обоз переселенцев, под визг и улюлюканья стягивают с возов, забивают камнями, вспарывают животы, а то и впиваются зубами в ещё трепещущее лацовское мясо; ошалелые от крови лошади несут, раскидывая по грязным улочкам бесхозный уже скарб на радость дворовой шпане и зевакам. – Плохо. Вероятно, хуже, чем сегодня.

Оля посмотрела на меня с подозрением.

– Ты – мутант?!

Я сдвинул капюшон чуть назад, и солнечный свет, отразившийся от жёлтой радужки, дал ответ вместо меня.

Плот между тем пересёк реку, и я, сойдя на берег, вывел лошадей следом.

– Надо лебёдку стравить, – потянула Оля вниз рычаг на дизеле, – а то баржа зацепит, и не вернёшься.

Оптимистка.

– Залазь уже. Ткач состарится и помрёт при наших темпах.

– Сейчас. – Оля заглушила движок и села за вожжи. – Но-о!

Пермская природа хороша. Жаль, не пришлось побывать тут летом или в пору ранней осени. Но даже слякотной весной здешние леса радуют глаз. Не такие дремучие, как муромские, с низкорослым подлеском и огромными мачтовыми соснами в два, а то и три обхвата. Скоро потеплеет, и их кора засочится смолой, источая повсюду дурманящий терпкий аромат. Что может быть лучше, чем дышать на берегу реки хвойным воздухом и слушать шелест зелёных шапок наверху, когда ветер проносится над ними, будто мозолистая ладонь над вихрами младенца. И ни души вокруг. Интересно, смог бы я жить здесь? Вот взять да и послать всё нахуй. Соорудить домик, удить рыбу, стрелять зверушек, собирать грибы, ягоды, вкусные коренья... Никаких тебе ткачей, никаких злобучих заказчиков. М-м... Скучно. Грядочку-другую конопли? Сторчишься. А там и до зоофилии недалеко от одиночества. Социопатия социопатией, но сношать кабаних – это уже за гранью добра и зла. Стало быть, не судьба. Жаль.

– Что ты сделаешь, когда найдёшь его, – нарушила Ольга размеренный ход моих мыслей, – убьёшь?

– В конечном итоге – да.

– Что значит «в конечном итоге»?

– Ну, перед этим ещё много чего предстоит сделать.

– Будешь пытаться его?

– Наверняка.

Олины губки растянулись в довольную улыбку.

- Это хорошо. А можно...
- Желаешь присоединиться к захватывающему процессу?
- Угу, – кивнула она, слегка смутившись.
- Это ведь нескоро случится. Ткача нужно ещё выследить, поймать, да так, чтобы жив остался. Я, между прочим, с осени за ним бегаю.
- Ничего, – Ольга решительно нахмурилась, – я потерплю.
- А как же твои подопечные? Малышня, – уточнил я, видя непонимание во взгляде.
- Они справятся... первое время. А через неделю тётка из Лысьвы вернётся, поможет.
- У меня нет времени нянчиться с тобой.
- И не надо. Я сама о себе позабочусь. Я – не малышня.
- Неужели? Охотилась когда-нибудь на людей?
- Нет. Но стрелять умею, – подняла она невесть откуда взявшийся в её детских ручонках «АПБ».
- Твою мать! – схватил я направленный мне в бочину ствол. – Совсем спятила? Он же заряжен! Не хватало ещё сдохнуть из-за восьмилетней дуры, возомнившей себя ангелом мщения.
- Я даже спуска не касалась! – заявила она обиженно. – И мне девять!
- С предохранителя зачем сняла?
- Показать хотела, как стреляю.
- Тебе этой железякой физиономию расшибёт.
- Отдай! – вцепилась она в пистолет и решительно потянула, забыв в приступе негодования про Красавчика, сосредоточенно наблюдающего за происходящим прямо у неё за спиной. – Я умею!
- Да хер с тобой, калечься. Только не ной потом.
- Ольга завладела наконец оружием и взяла наизготовку, едва удерживая тяжёлый громоздкий пистолет в маленьких ладошках.
- Ворона, – предложил я цель метрах в двадцати.
- Останови.
- Не успели лошади встать, как прогремевший выстрел заставил их сорваться с места, и только туго натянутые вожжи уберегли нас от прогулки по лесу верхом на оглобле. Вороне же повезло меньше. Точная пуля превратила божью тварь в облачко серых перьев.
- Хм, неплохо.
- Завалившаяся навзничь Ольга поднялась, растирая ушибленный лоб и сияя улыбкой на сморщенном от боли личике.
- Я же говорила, что умею.
- Как ты смогла его у меня вытащить?
- Да само получилось, – пожала она плечами.
- И давно у тебя это получается?
- Лет с пяти. Толя научил, брат двоюродный. Он в Соликамске живёт.
- Карманник?
- Лучший, – улыбнулась Оля и, помрачнев, добавила: – А ты много людей убил?
- Много, но недостаточно. Мир всё ещё полон этого дерьма.
- Больше десяти?
- Одиннадцатого я записал на счёт, когда был годом старше тебя.
- Ух! – Взгляд девчонки засветился неподдельным восторгом. – А как... что ты...
- Чувствовал?
- Угу, – кивнула она, предвкушая, видимо, эпическую историю о становлении выдающегося – чего скромничать? – охотника за головами, сдобренную толикой драматизма и душевных метаний.

– Обиду. Мой первый покойник был весьма перспективным в плане дальнейшей разработки, но я всё обговнял, тупо выполнив приказ. Теперь вот морожу яйца в вашей сраной глуши, а мог бы...

– И всё? – округлила Ольга глазёнки, будто её только что жёстко и цинично наебали, растоптав хрустальную мечту грязным сапогом пошлости.

– Ну что ты? Было охуенно. Такое, знаешь, чувство непередаваемое, вот прям взлетел бы к самым звёздам, аж голова кружится, и вообще, заебись.

– Правда? – произнесла она с придыханием, глядя на меня, как на икону.

– Нет. Человек – это десять кило костей, пятнадцать – ливера, пятьдесят – мяса и полведра крови. Очень похож на свинью. И смерть их ничем не отличается. Как, впрочем, и жизнь у большинства.

– Не любишь людей, да?

– Видишь ли, многие ортодоксальные люди даже не считают меня представителем их биологического вида. А межвидовая любовь – нонсенс.

– М-м?

– Эх... Да, я не люблю людей.

– А за что?

– Боюсь наскучить тебе слишком долгим монологом.

– Моно?..

– Если опустить второстепенные причины, то, пожалуй, могу выделить основной побудитель к истреблению представителей твоего вида – люди задают слишком много глупых вопросов.

Получив пищу для размышления, Ольга наконец заткнулась, заживо снедаемая нереализованным любопытством.

Славься, Боже милостивый! Ты даровал мне час тишины! Неужели я в её годы был так же болтлив? А ведь нас тогда под одной крышей набралось четверо. Теперь понимаю, отчего Валет страдал «внезапными» приступами бешенства. Истинно великомученик. Упокой Господь его чёрную душу, если она была.

Лошади мерно вышагивали, ломая копытами ледяную корку и выдувая облачка пара, телега успокаивающе поскрипывала, Красавчик, как обычно, паялся на кобыльи задницы, а Ольга боролась с любопытством. Безуспешно.

– Сколько стоит убить человека? – спросила она, продолжая смотреть на дорогу.

– Ну, согласно христианскому прейскуранту – вечность в аду.

– Нет, сколько денег нужно заплатить тебе за убийство?

– Ах, вот оно что. Тут всё сугубо индивидуально. Зависит от сложности целей.

– Ткач – сложная цель?

– О да. С каждым днём я всё больше убеждаюсь, что продешевил, договариваясь о цене за его голову.

– И сколько... стоит его голова?

– Сорок золотых.

– Ого!

– Надеюсь, ты по скудоумию не вообразила, что я возьму тебя в долю?

– Я только хочу узнать, во что обойдётся...

– Мне не послышалось? Ты желаешь кого-то замочить? Стоп, дай угадаю. Это мальчик из церковно-приходской школы, который дёрнул тебя в прошлом году за косичку!

– Нет. – Ольга нахмурилась и посмотрела на меня со всей серьёзностью, на которую только способна девятилетняя девочка, так, что между плотно сведёнными бровями даже образовалась морщина. – Это дядя Степан.

– Твой родной дядя?

– Да.

– И что же натворил этот негодяй? Щупал тебя, пока никто не видит? Или съел последнюю конфету на твоём дне рождения?

– Отец взял у него деньги в долг, – проигнорировала Ольга мой сарказм. – Много денег. Я слышала, как разговаривали они с мамой. Отец говорил, что деньги нужно вернуть к следующей осени, а мама плакала и говорила, что он нас всех по миру пустит, что, если не вернём долг вовремя, лишимся всего. Теперь мы точно ничего не вернём. Дядя Степан – богатый человек, но терпеть нас не может. Если он заберёт ферму, мы окажемся на улице. Я знаю, где родители хранили деньги. – Ольга полезла в карман и достала кошелек. – Тут немного, но, может, этого хватит?

Шесть золотых и девятнадцать серебром. Невелико богатство. Ещё и монеты, похоже, легче приокских. Я достал из кармана жёлтый кругляшок с ковровским гербом и сравнил – ну точно, диаметр тот же, а толщина меньше. Тут не шесть, а хорошо, если хотя бы пять полновесных. На зуб вроде настоящее. Ладно, денег много не бывает, а искать заказы мне некогда, тут бы за Алексеем – какжетызаебал – Ткачёвым поспеть. Да и разве можно отказать ребёнку в невинной просьбе?

– Ладно, поможем твоему горю. Рассказывай, что знаешь о любимом дяде. И поподробнее, время позволяет.

Глава 7

А дети умеют доходчиво излагать. Если очень захотят донести свою идею до нужных им ушей. И, надо сказать, Оля очень хотела. Хотела до того сильно, что в процессе повествования о любимом родственнике пришла к выводу, что порешить стоит не только дядю, но и всю его семью, в составе то ли восьми, то ли девяти особей. Милое дитя аргументировало сие умозаключение тем, что перешедший на неё по наследству долг точно так же перейдёт по наследству жене и многочисленным дядиным отпрыскам, только со знаком плюс. Ну и зачем плодить кредиторов? Логично, практично, ничего личного. Уважаю. Только вот заминочка – массовое убийство никак не укладывается в шесть неполновесных золотых.

– Не с твоим капиталом, детка. И сразу хочу предупредить – натурой не беру.

Ольга скорчила брезгливую гримасу.

Чёрт. А я всегда считал себя симпатичным. Должно быть, у девятилетних совсем никудышный вкус.

– Убив их всех, ты сможешь прибрать к рукам дядино добро, – парировала она.

– Это вряд ли. Не люблю возиться со скотиной да и в торговле нихера не смыслу. Но...

Дядя Степан, как выяснилось из содержательнейшего рассказа его любящей племянницы, был человеком состоятельным, держал большое стадо на ферме под Березниками и мясную лавку в городе, приносящую стабильный доход. Олин папашка, если верить всё тому же источнику, имел одно время долю в этом успешном предприятии, но крепко повздорил с братом и вышел из дела. Ясен хер, мучить несчастных мутантов куда веселее. Веселье он получил, а доходы оказались ниже ожидаемых. И вот непутёвый младший брат вынужден идти, потупив глаза, к старшему, кланчить денег. Дядя Степан, обладая, судя по всему, умом и сообразительностью в гораздо большем объёме, нежели меньшей братишка, с радостью одалживает под залог живодёрского хозяйства энную сумму, чётко зная, что вернуть её братик не сможет. С тех пор дела у Олиного клана шли из рук вон плохо. Один из двух заказчиков отказывается от их услуг, вероятно, подкупленный злопамятным дядюшкой. Ссуженные деньги быстро улетучиваются. А тут ещё такое несчастье со «случайно» освободившимися из заточения мишкой и Алёшкой.

– ...я мог бы убедить твоего дядюшку отказаться от имущественных претензий.

– Это не поможет, – покачала Оля курчавой головой. – Как только ты уйдёшь, он заберёт нашу ферму.

«Ферма» – забавное определение для зверинца. Хотя в остальном девчонка права. По всем понятиям опеку над сиротами должен получить дядька. Или тётка. Смотря кто больше даст на лапу местному царьку. Ведь за племяшками немалое приданое. Но и понятия здесь – не главное. Берёт тот, кто имеет силы взять. Владеет тот, кто имеет силы не отдавать. Можно заставить дядю Степана переписать на Оленьку хоть всё его имущество, с последующей отправкой подписанта в небытие. Но если оставшиеся родственнички не идиоты, богатая девочка Оля отправится следом за дядей без промедления, и всё вернётся на круги своя. Геноцид – эффективное профилактическое средство, но дорогое и требующее длительно курса приёма. Тут надо действовать быстрее, тоньше...

– Когда, говоришь, тётка ваша вернётся?

– Через неделю только. Не успеет она...

– Думаю, я смогу сделать проблему отъёма твоей собственности наименьшей для дяди Стёпы. А там уж и правильная опекушка подтянется.

– Как?

– Уж что-что, а проблемы я создавать умею, поверь.

А дорога до Березников особых проблем не доставила. Не считая волчьей стаи, преследовавшей нас ночью, но бдзящей нападать из-за Красавчика, всё прошло гладко. Оля говорила, когда я велел говорить, и затыкалась, когда я велел заткнуться, а потому мы отлично поладили.

Пытливый детский ум, казалось, впитал всю информацию о Березниках, какая только была ему доступна. Оно и понятно – единственный большой город... нет, единственный город на сотни километров вокруг их занюханной фермы, где Ольга родилась и выросла, откуда, по её словам, выбиралась считанные разы. И это самые яркие впечатления её недолгой жизни. Чёрт, да моё детство было счастливее. Неудивительно, что Березники стали для Оли сказочной страной, а реальные сведения неразрывно переплелись с городскими легендами и плодами собственной фантазии.

Из восторженного повествования своей нанимательницы я понял, что Березники – город невероятно огромный, а людей в нём сотни тысяч, если не миллионы. На каждом шагу по его широким улицам путника поджидают чудеса, и просто удивительные вещи случаются ежеминутно. Но далеко не все жители сказочных Березников счастливы. И основная причина тому – некие эфемерные, но от того не менее жуткие и демонические субстанции под именем «Азот» и «Уралкалий». Древние чудовища, убитые «анериканскими» ракетами в незапамятные времена, и после смерти отравляли жизнь сказочному городу. «Азот» насылал тучи раков-убийц, а «Уралкалий» утягивал под землю целые улицы и отдавал их на растерзание неведомым тварям, обжившим его тёмную сырую могилу. Были в Березниках и свои достопримечательности, несмотря на общую сказочность, к коим относились: публичная библиотека, рынок в здании ДК металлургов и, конечно же, арена, разместившаяся там, где ей самое место – в Драматическом театре. По большей части на арене проводились кулачные бои – зрелище унылое, но позволяющее непритязательной публике скоротать время между субботними представлениями. Вот уж там-то, с Олиных слов, было на что посмотреть: собачьи бои, травля крупных тварей мелкими, смертельные схватки среди представителей хомо сапиенс, и, разумеется, гвоздь субботней программы – венец эволюции против богомерзкого мутанта. Олин папка яростно болел за этих самых венцов, но частенько оказывался наёбан судьбой-злодейкой. В чемпионах последнее время ходили всё больше богомерзкие. А это означало, что объём будущих продаж неуклонно снижался. Приходилось барыжить дешёвым ширпотребом, мрущем на разогреве, а отловленные «машины смерти» томились в домашнем зверинце, ожидая, пока сдохнет действующая звезда арены, и прожирая дыру в семейном бюджете.

В общем, если абстрагироваться от детских преувеличений, Березники представлялись хоть и немного мрачным, но вполне культурным современным городом... пока мы к полудню вторых суток не достигли его границы.

– Пру-у, – натянул я вожжи и поднялся в полный рост, стоя на телеге, чтобы лучше разглядеть развернувшуюся перед нами картину. – Что тут случилось, дьявол его подери?!

– «Уралкалий», – прошептала Оля. – Одна из его могил. Надо ехать. Нельзя стоять здесь долго.

Лежащий позади Красавчик поднялся и настороженно засопел.

Я видел немало воронок, могу легко определить мощность заокеанского подарка и тип взрыва, но такое узрел впервые. Глубокий, относительно небольшого диаметра кратер расползался во все стороны уродливыми трещинами, словно пробоина в стекле. Кое-где трещины расширялись, образуя чёрные зевы провалов, от которых ползли новые нитки. Бетонные развалины вокруг кратера покосились, теряя опору в ожидании своей очереди на путешествие к центру Земли.

– Ну же, едем, – повторила Оля умоляюще.

– Да, – передал я ей управление, – рули.

Моя проводница тряхнула поводьями, и переминающиеся с ноги на ногу лошади без промедления пустились прочь от странной воронки.

– Это всё шахты, – туманно пояснила Оля.

– Шахты?

– Ну да. Отец говорил, тут кругом шахты, всё изрыто. Даже под самим городом.

Конечно, калий... Похоже, трудолюбивые рудокопы слегка увлеклись выемкой полезных ископаемых из недр планеты. И воронка – вовсе не воронка, а всего лишь провал грунта над пустотами, образовавшимися старанием жадных и недалёковидных охотников за удобрением. В самом деле, с чего бы ебашить ракетами по калийным месторождениям.

– С чего бы ебашить ракетами по калийным месторождениям? – озвучил я свою гениальную мысль спутнице.

– А? Каким?..

– Ты сказала, что здесь упали американские ракеты. Это от них воронка?

– Нет, – покачала Оля головой, нахмурившись, – я так не говорила. Ракеты упали на «Азот», а тут «Уралкалий». Какой ты бестолковый, мутант.

«Хуясе! Это я же ещё и бестолковый. Говорить по-русски научись, мяса кусок!» – подумал я, молча глядя на не в меру самоуверенного ребёнка, но высказываться не стал, решив, что в следующий раз просто отрежу язык.

Чем дальше мы продвигались, тем более зловещей становилась картина. Постепенно лес, редя километр за километром, полностью уступил место мёртвой растрескавшейся земле. Тропа петляла между чёрными провалами, становясь уже с каждым ударом копыт. Кое-где приходилось спешиваться и везти напуганных кляч под уздцы, чтобы те не оступились на этом зыбком пути. Ещё не видя «Азота», я с готовностью поверил бы, что ядерный удар нанесли всё же именно здесь, причём совсем недавно. Но недоросль-краевед снова разубедила меня, ловко манипулируя загадочными выражениями: «шламонакопитель» и «солеотвал». Не знаю, что эта хуйня означает, но, по всему судя, ничего хорошего. И это ничегохорошее, будучи разнесённым ударной волной по округе, превратило и без того не слишком плодородный слой суровой северной почвы в безжизненную пустыню, а сейсмический эффект обрушил грунт в многокилометровые шахты. Вуаля! Ад на Земле готов. Сатана, трясаясь от зависти, листает списки в поисках авторов проекта.

Да, человек – удивительное существо. Как-то читал статейку одного довоенного философа, где тот сравнивал человечество со смертоносным вирусом, поразившим пациента-Землю. Занятно, но не верно. Не хватает основного компонента – эпидемии. Вирус распространяется, оприходуя всё новые и новые цели. Зараза-человечество летит по просторам Вселенной, пожирая на своём пути галактики, глотая целиком звёздные системы! Ух! Аж оторопь берёт. Я был бы горд стать микробом такого вируса. Но нет. Странное существо, облепившее Землю, как лишай, едва не сожрало само себя вместе с носителем. Это даже тупее, чем обычный паразитизм. Каждый вид подчиняется общему непререкаемому закону – выжить любой ценой. Но только не человечество. Плывая на утлом плоту посреди океана-космоса, оно умудрилось разжечь громадный костёр и устроить вокруг него пляски. Теперь костёр затух, но пляски на прожжённом обугленном плотике продолжают и он вот-вот перевернётся. Заботит ли это плясунов? Да ничуть. Может, так задумано природой? Может, прочухав опасность, вселенский разум запустил механизм самоуничтожения ебанутого человечества? Решил дать шанс другим видам? Что ж, если так, я с радостью помогу.

Примерно через час нашего неспешного продвижения среди поредевших трещин начали встречаться следы жилья – фундаменты, печи, ямы погребов, тянущиеся ровными, насколько позволял обновлённый ландшафт, порядками. Позади останков Зырянки – как стало известно из разъяснений моей проводницы – раскинулось большое озеро, которое Ольга почему-то упорно называла прудом, а за ним уже виднелись обветшалые железобетонные коробки высотных домов.

– Огромные, правда?! – с придыханием вопрошала Оля, глядя на латаные-перелатанные панельки, словно это были сверкающие дворцы. – Неужто их в самом деле люди строили?

– Не глупи. Разве люди могут построить что-то выше трёх этажей? Нет, конечно. Это были добрые великаны.

– Серьёзно?!

– Сама подумай – какой человек способен поднять такую железобетонную дурину и примастырить её к другой?

– Ну да... – На юной мордашке отразились нешуточные раздумья. – А где они теперь, эти великаны?

– Сдохли.

– От чего?

– Люди плодились, как саранча, домов надо было всё больше и больше. Великаны пахали сутками напролёт. Тягали тяжести без продыху. Надорвались и сдохли. Кто от инфаркта, кто от грыжи, а иные – от тяжёлой затяжной депрессии.

– Почему я об этом ничего не слышала? – На Олином лбу появилась морщинка сомнения.

– Откуда мне знать? Тёмные вы тут.

Морщинка углубилась, едва разделяя сошедшиеся к переносице брови.

– Ты всё выдумал! Врун!

– Нехорошо обвинять человека во лжи, не имея контраргументов.

– Контр?.. Да и не человек ты!

– С этим трудно спорить.

– Я не глупая, – насупилась Ольга. – А врать грешно.

– Вот как? А желать смерти родному дядьке с его домочадцами – не грешно?

Оля задумалась, но всего на секунду.

– Я не нарушаю заповедей.

– Технически нет, – припомнил я десять библейских постулатов. – Но ведь и я не нарушаю.

– Как так? Ты же соврал!

– Напомни-ка мне девятый пункт сего ветхозаветного перечня.

– Не лги! – отрапортовала весьма довольная собой Оля.

– Твой отец был так скуп, что экономил на розгах? Не надо отсебятины, давай цитату.

– Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего, – продекламировала она с выражением после недолгих раздумий и удивлённо воззрилась на меня, проникнувшись смыслом только что сказанного.

– Вот видишь, я абсолютно чист перед Богом и ближними. Даже если буду выдавать себя за Мессию, это не пойдёт вразрез с заповедью. Изучай материал, на Страшном суде пригодится.

– Так ты христианин?

– Нет.

– Но в Бога веруешь?

– Нет. Впрочем, я и в Гусляра не верил, пока тот мне не сыграл как-то безлунной ночью в пустошах. Так что лучше быть готовым к встрече с тем, во что не веришь.

Миновав скопище старых полуразрушенных коттеджей вперемежку с лачужным новостроем, которое отчего-то носило гордое название «Дворянское гнездо», мы очутились в районе многоэтажек, и Ольга указала на дверь подъезда одной из них.

– Вот тут мы с отцом останавливались в прошлый раз.

– Постоялый двор или знакомые?

– Не знаю, – пожала Оля плечами. – Там такой жирный дядька нас встречал, потом они с отцом поговорили, и мы пошли в комнату.

– Ясно. Дай серебро. Не хочу светить неместными монетами.

Мы оставили телегу с укрытым брезентом Красавчиком у крыльца и прошли внутрь.

– Тут, – ткнула она пальцем на обшарпанную дверь.

– Чего надо? – в ответ на стук донёлся из глубины квартиры пропитой голос.

– На постой бы нам.

– На постой, говоришь? – просипел голос, приблизившись. – А деньги есть?

– Немного. Сторгуемся.

Дверь приоткрылась, и в щели за цепочкой появилась бледная тощая рожа, осмотревшая мутными глазами вначале меня, а потом мою спутницу.

– Это не тот, – прошептала Ольга, теребя мой рукав.

– Покажи, – потребовал хозяин апартаментов, отравив перегаром и без того затхлый подъездный воздух.

Я достал Олино серебро и продемонстрировал на раскрытой ладони.

– Ага, – удовлетворённо крякнул источник смрада. – Надолго?

– Дня три, может, чуть больше.

– Десять монет.

– А что не сотню?

– Э? – не оценил юмора стяжатель.

– И двух с тебя хватит. А то пойду по соседям, – добавил я, видя, как рожа в щели недовольно кривится.

– Ладно, погоди. Давай хотя бы пять.

– Три. И это только из-за моего необузданного человеколюбия.

– Архх... – Радужный хозяин вовремя поборол желание харкнуть мне под ноги. – Хули с вами делать? Заходи. Вон туда. Кидайте шмотьё. – Он похлопал себя по карманам и растерянно крякнул. – Сейчас ключи притащу.

Убогая комнатуха вмещала в себя две тахты с воняющими сыростью матрасами, шатающийся стол, два табурета и ряд гвоздей в стене, заменяющих гардеробную. Но дверь была крепкой, открывалась наружу и имела внушительный кованый засов. Да и решётка на окне с прогнившей рамой вполне соответствовала моим требованиям комфорта.

– Зараза... Да куда же они запропастились? – донёлся из соседней комнаты недовольный бубнёж.

Оля виновато подняла на меня глазёнки и показала на раскрытой ладони связку ключей.

– Бля, да ты ещё и клептоманка.

– Кто? – не поняла она.

– Эй, хозяин, не эти ищешь?

– А? – высунулся тот в коридор. – Точно, они!

– На столе валялись.

– Поди ж ты, вот ведь память стала дырявая, – отцепил он со связки два ключа. – Лошадей с телегой можешь в сарай отвести, прямо перед окном, – мотнул башкой хозяин, вручая мне ключ. – За две монеты сверху. Там сена немного, вода в колонке рядом, увидишь. Умывальник в коридоре, сортир на дворе. Бесплатно. А если помыться – есть у меня тут корыто жестяное. Ну, и воды согрею. За монету.

– Годится, начинай, – протянул я три серебряных кругляшка.

– Ага, только на пол особо не лейте. – Он собрался было уходить, но обернулся и, смерив насупившуюся Ольгу взглядом, спросил: – Кто она тебе?

– Племяшка. Настей звать.

– Ну да, племяшка, – повторил он без особой веры в голосе. – Ты тут с ней того, поаккуратнее. Мне проблемы не нужны.

– Не создавай – и не будет.

– Лады. Василий, – протянул он сухую узловатую пятерню.

- Андрей, – ответил я рукопожатием.
- Издалека к нам?
- Ты кипяточка, помнится, обещал. Зудит всё, мочи нет.
- Ага, точно, пойду я, – проявил чудеса такта Василий и удалился.
- Настя? – спросила моя «племяшка», как только скрип шагов стих за закрытой дверью.
- Молодец, что запомнила. С этого момента так себя и называй. А меня...
- Дядя Андрей.
- Умница. Отведу лошадей в сарай. Запрись тут, открывай на стук, – я ударил костяшками о столешницу раз и после короткой паузы – ещё два. – И пока меня не будет, собери пожрать. Не могу думать о злодеяниях на пустой желудок.

Глава 8

Перекусив и помывшись, остаток дня я решил посвятить уже до блевоты привычному и основному в последние полгода своему занятию – поискам Ткача. Шататься по тайге с простреленным плечом – занятие не из приятных даже для такого отморозка. Поэтому шансы на то, что Ткач задержится в Березниках я расценивал как весьма высокие. А куда приткнуться покоцанному ублюдку в незнакомом городе? Расспросив аборигенов, удалось выяснить, где находится местный госпиталь. Вряд ли Алексей – менязовутпаранойя – Ткачёв задержался там до сего дня, но за помощью, возможно, обращался.

Больничка, расположившаяся в обветшалом кирпичном здании о трёх этажах, где половина окон была заколочена досками, оказалась закрыта. На мой вежливый, но настойчивый стук ногой в дверь отозвался сильно выпивший сторож и любезно объяснил, что «Нехуй тут шуметь! Доктора нет!». А на вопрос «Где он?» ответил: «У Марго, наверное, с блядьми. Где ж ещё?» Действительно, что делать доктору в больнице? Экий я бестолковый. Визитёров за последние двое суток сторож помнил весьма смутно и характеризовал их ёмкой фразой «уёбки калечные», что в целом соответствовало образу Ткача. А потому я отправился по ранее названному адресу.

Бордель мне удалось обнаружить без затруднений. Похоже, это была одна из достопримечательностей города, не попавшая в Олин список. Надо бы расширить её кругозор. Быть страстным поклонником Березников и при этом обходить стороной притоны с кабаками – не дело.

Заведение с простым и логичным названием «У Марго» находилось аккуратно против здания местной управы в самом центре. И управа на его фоне явно проигрывала в помпезности, не говоря уже о посещаемости, так что не оставалось ни малейшего сомнения относительно того, какое из заведений важнее для города.

Прямо за входной дверью страждущих встречала клетка с оконцем для сдачи лишнего в любовных делах барахла и два дюжих мордоворота по другую сторону решётки, вооружённые двустольными обрезами. Так что, шагнув внутрь, клиент сразу начинал получать услуги сексуального характера, правда, при условии наличия у него мазохистских наклонностей. Мне с этим не повезло, а потому тонус под прицелом четырёх стволов в замкнутом пространстве сильно понизился.

– Волыны сдать, – пробасил один из мордоворотов и указал обрезом в сторону окошка.

Порадовавшись, что оставил большую часть арсенала на попечение Ольги, я разрядил «АПБ» и протянул его охраннику.

– Поаккуратнее с ним. Подарок жены.

– И нож, – кивнул тот на «НР-2», беспардонно проигнорировав мою блистательную шутку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.